

Александр Кирияцкий: Мысли в стихах

Alexander Kiriyatsliy: Pensées en vers

Alexander Kiriyatsliy: Pensieri in versi

Издательство:

Edition:

Edizione:

<https://www.m310014.uqam.ca/dvuiazycnye.htm>

Стихотворения Александра Кирияцкого с его само -
переводами на французский, итальянский и
испанский языки

Poèmes d'Alexander Kiriyaatskiy avec ses propres
traductions poétiques de ceux en français, en italien et
en espagnol

Poemi d'Alexander Kiriyaatskiy con le sue proprie
traduzioni poetiche di quelli in francese, in italiano e in
spagnolo

Строфы на русском и французском языках:

Новая песня «Мурка-Стена-Случай»

Лет пятьдесят назад
Бедней слыла Европа,
Чем в этот век слепой, тогда свет рад
Блюсти закон до гроба,
Не укусила злоба
Других мигрантов русских для наград.

СССР считал,
Что справедливость вечно
Царила в ваших странах, наших вал
Из огурцов беспечно,
Глянь, признан быстротечно,
Режиму прежних нас готовь обвал.

Мол, зазывай совков,
Встречают их актёры
С триумфом. Диссидент, набором слов
Державе шли укоры,
А Русь сожгут раздоры,
Спустишь великим, лёгок твой улов.

Ну, Нобель, лауреат,
Тоскливыми стишками
Иллюзии тупой ты предан, гад.
Бьёшь коммуняк словами,
Чьи зрители делами
Пред славой вечной восхвалят распад.

Ты, Токарев, поёшь,
Считай, несёшь по свету
Для душ мечту из песни, гнувшей ложь,
СССРа нету,
Закрыли дверь, монету
Плати, кто признан зря вчера за грош.

В общаги бедолаг!
Бежавших для отказа
С дипломом лучшим к рабству работяг,
Руси транс – миру база,
Без прежнего экстаза
Последний друг сегодня как батрак.

Strophes en russe et en français:

Nouvelle chanson «Mur cas»

Il y a cinquante-un ans,
L'Europe était plus pauvre
Qu'à cet aveugle siècle maintenant.
Elle estimait ses ordres,
Car ne voulait pas mordre
Nos russes parmi vos autres immigrants.

Lors l'URSS pensait
Que cette «justice» énorme
Régnaient sur vos pays pour nous laisser
Ici pour nos bonnes œuvres
Des soviétiques concombres
Qu'ils s'opposaient à nos régimes passés.

Vous invitez nos gens
Et vos acteurs rencontrent,
Par leurs triomphes, notre dissident,
Car celui-ci est contre
Ton expérience, montre
Comme mon état «décède», car tu descends,

Partout, au prix Nobel
Pour tes poèmes très tristes
Qu'à l'illusion stupide tu sois fidèle.
Tu bats tes communistes,
Tes spectateurs existent
Et tu vois que ta gloire est éternelle.

Tu chantes, Tokarev,
Et tu crois que tu portes
Tes belles chansons aux âmes par l'autre rêve,
Où l'URSS est morte.
L'on ferme toutes nos portes,
Dont cette consécration s'illustre brève.

L'on ouvre vos foyers
D'asile pour l'ignorance
De nos meilleurs diplômés. Vos ouvriers
Sont tous les russes en transe,
Nous sommes ta concurrence
Au monde qui nous fait ses mecs derniers.

Павленский

У Бастилии банк
Светит вам, Пётр – танк!
Сжёг Павленский признанья артиста,
Рòлей он не играл,
Во французском столь мал,
А тоска по абсурду нечиста.

Разрушать Русь? Изволь,
Скажешь варвару: «Коль
Ранишь женщин ножом сатаниста,
Ну, будь, «гений», скала,
Их художником зла,
Чёрт Парижа, искусством министра.»

Хрень в рисунках, хула,
То - Европа вела
Совершенство триумфа насилий.
Режут живопись стран,
С пламенем адских ран
Поднимайся к признаньям фамилий.

Русь ему дураков
Даст найти среди дружков
Журналистов, пляс в высокомерьи.
А срал где наш бандит,
У осла стрёмный вид,
За свободу дворца пеплу – двери.

Дух полицию ждал.
Но Москва пьедестал
Подала, чтоб вести к героизму,
А в Париже поджёг
Повторить Петька смог,
Приписали его к экстремизму

Лет десятком тюрьмы...
И в Москве скажем мы,
Что в Россиюшке культ эгоизма,
Где Европа без злат,
К нам приблизят распад,
Смерть наивных игрой дальтонизма.

Pavlenski

Sur la place de Bastille,
Votre banque vous brille
Par la consécration de l'artiste
Qui ne joue aucun rôle
Et ne sait nulle parole
En français, car l'absurde bien triste

Fait détruire ma Russie,
Au barbare vous dites: «Si
Tu blessais tes femmes russes, sataniste,
Tu serais, Pierre génial,
Notre peintre du mal,
Qu'à Paris l'art du diable existe.»

L'homme n'a rien dessiné.
Mais l'Europe l'amenait
Au triomphe parfait des violences.
L'on coupe l'art de peinture
Par le feu des blessures
Pour monter à sa reconnaissance.

La Russie l'a permis
De trouver ses amis
Entre les journalistes qui dansent
À côté du bandit.
Pour Poutine, l'âne rôtit
Ses palais pour quelle indépendance?

L'âme attend la police.
À Moscou, celle-ci puisse
À conduire vers le dur héroïsme.
Pierre répète cette action
Pour la révolution
À Paris, l'on l'appelle l'extrémisme

Par dix ans de prison...
À Moscou nous disons
Qu'en Russie l'on cultive l'égoïsme,
D'où l'Europe sans trésor
Nous approche de nos morts
À travers son «naïf» daltonisme.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАШЕЙ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Миров идею с совершенством Бог предпочитал,
Семнадцать кратких измерений, вне времён накал...
Взрыв к метрикам трём – Космоса, что Стариться устал,
Грядущий крах сплетенья мест расширил, вмиг, овал.

Чрез миллиардов пятьдесят – кругов к ним смерть придёт,
Раздроблены молекулы, масс нет, зри мрак пустот,
Победы расстояний жди над сущностью..., разброд
Из Чёрных Дыр, что спрячутся с последней вязью нот.

Хвостов галактик правильность к находкам всяких вер,
Их вероятность видится на каждой точке мер.
Противоречья плотностью свет держат без войн сфер,
Возможно, отодвинули конец вселенских эр.

Внутри Дыр Чёрных: расстояний
Нет у им преданных частиц,
Закон могущества влияний
Связал частично и цариц

С мирами Абсолюта в теле ...
Тринадцать миллиардов лет,
С одной из сфер Вы захотели
Мутанту в Вечность дать совет,

Там нет пространств до их времён,
Грядущим в прошлых не прочти:
То, что сцепить даёт закон
Со скоростью, как луч почти.

Галактик всех не вечен лес,
Их Минимум создал ... Дитя
Из первых звёзд взрывает бес,
Шесть миллиардов лет спустя.

ORIGINE DE TOUT NOTRE COSME

L'idée des mondes plus parfaits est préférée par Dieu,
Leurs dix sept courtes dimensions sont connectées bien mieux
Que trois métriques des maux cosmiques au temps pour être vieux
Et l'on décède dans ce futur sans connexion des lieux.

Car dans cinquante milliards tours d'années, viendra la mort,
Vite se perdront nos molécules, il ne sera nul corps:
Dont les distances entre eux vaincront le sens plus fort
Des Trous Noirs qui se cacheront par nos derniers rapports.

La perfection de leurs parties se trouve dans toutes les sphères
Nos évidences se pratiquent dans chaque point pour les faire
Cette paix réelle des contredits, tiennent une lumière sans guerres,
Il est possible d'ajourner la fin de l'univers.

Ses Trous Noirs n'ont aucune distance
Entre nos particules fidèles,
Qui ont, à l'ordre, la puissance
De leur donner l'union partielle

Avec ses mondes d'Absolu...
Années, quatorze milliards! Dans
L'une de ces sphères, aviez voulu
Dire l'infini à un mutant

De nul espace. Par aucun temps,
La belle vitesse du haut salut
A fait unir l'ordre présent
Passé pour son prochain non lu.

Nos galaxies sont temporelles,
Elles naissent du minimum... L'enfance
Du diable explosait leur ciel
Aux six milliard d'années, aux chances:

Раздвинешь ими жар на кризисе, единств урон:
Ты будишь настоящее, а прошлое, прочь, вон!
Нет совершенств! Опасности у граней от сторон,
Ещё – анти материи – у бездн мерил заслон.

Семнадцать измерений цельно пали у основ
Мощнее, чем Вселенная, нейтрон без берегов.
У противоположности нет войн её врагов,
И кажется: реальное у царства «благ» оков.

Раз в миллиард: начальное над нами превзошло,
Коль пустотелы атомы, их отдалять могло:
Материей потерями делилось мира зло,
Невидимо, исчезло чтоб последнее число.

Протоны с нами, электрон
Слаб формой, упорхнуть ему
Галактики исчезнут. Фон
Пронзит уже без края тьму,

Заставит каждую звезду
Угаснуть в будущем. Чтоб пал
Мир расширенья, гиб в аду,
Пусты зияния, развал,

Сил гравитаций Плюс спасти,
Единствами бой собирал.
Знак «минус» разрушал пути,
Куда вёл свыше идеал,

Грей дрёму, солнце, сразу
Пять миллиардов лет, но трон
Людей подобен вязу,
Росла чтоб личность у персон.

Avant cette explosion des rames pour notre crise d'espace,
L'autre présent n'a nul passé, car il n'a rien qui passe,
Où il n'existe pas danger de l'êtres qui menace
À l'harmonie, là-bas sa place domine surtout en face.

Alors dix sept mesures plus dures ont figuré le fond
Plus grand que ce même univers dans son petit neutron...
Ses opposés ne se battent pas, où tous ensembles n'ont
Rien impossible de ce règne à nulle frontière du Bon.

Milliard de fois, les quantités des forces dominaient
Sur notre nombre de matières perdues par leurs années.
À l'intérieur, tous nos atomes sont vides. Ceux-ci sont nés
Sous l'énergie noire de nulle couche qui tente d'éloigner

Ses électrons et nos protons.
Par la faiblesse des formes,
Les galaxies disparaîtront.
L'obscurité énorme

Fera éteindre nos étoiles
Dans le futur. Leur but
Élargira l'abîme spatial
Qui nous approche des chutes,

Où nos gravitations grosses luttent
Que l'unité soit maximale.
Son signe «minus» casse toutes leurs routes
Qui le conduisent à l'un idéal

Que notre astre dorme
Des cinq milliards d'années au trône
De l'homme. Encore, comme l'orme,
Que se grandisse l'humaine personne.

Под эпитафием в вере

*ύλεος, ύλεος, ύλεος,
εχενу имύν о πάντων ανэхόμενος
кэ πάντας εκδεχόμενοςέ.*

*[Благостный, благостный, благостный,
будь ты уж и нам, всяким, всезирающим
и каждам принимающим.] 1*

(Роман Сладкопéвец')
(середина VI столетия от Рождества Христова)

На закате эпохи

Град Константина, богатств клад, дней семь крестоносцы кромсали,
Глуп император-предатель в бегáх, долг вернут, принц в опале!
Фóрумам трём Византии' из стáтуй — не быть! В идеале
Тёмной Европы смотрелись те, как грех с папско-римской морали.

Там золотые скульптуры на части рубили сначала,
В храмах полотна икóн сдирал нож, но глазáм было мало,
С площади каждой и башен, вонзя в умы змеи жало,
Их драгоценности варварски чернь для себя воровала.

Сто пятьдесят лет владели войска латинян Царегрáдом',
Восемь веков неподступным с жарким предсмертным распадом!
Но мусульмане из страха пред Ним звать Царьград стали адом,
В веке пятнадцатом в ночь надругались над крестным обрядом.

В бывшей древнейшей державе от дрязг да интриг царедвóрцев
Смотрят теперь минареты в акрополь времён чудотворцев...
Греки, сирийцы и áфры «За» иль «Против» иконобóрцев?
Вера арабская тех не страшит, как Россию месть горцев.

Третьего Рима в Кремле власть горит к Византии' спуститься!
Знать, коль Третьяковых дары в безвластьи, к нам войн колесница
Мчитя, как турки в Стамбул, не китайских Ичкерий столица
Нынче Москва! Русь, проснись, возрожденьям темница

И нищета ты светил, чей восход аль закат? И небылица —
Рабской Элладé град вселенский вернуть... Ведь искрится
Память под страхом с надеждой людской на счастливые лица
В Райской России, куда, как в Эдём, русский сердцем стремится.

1 Все эпитафии данной книги переведены Александром Кирияцким

Sous l'épigraphe en croyance

*Íleos, íleos, íleos,
gkhenú imín o pánton anekhómenos
ke pántas ekdekhómenos.*

*(Bienheureux, bienheureux, bienheureux,
Que sois-tu, céleste, notre observateur
Sortant de tout, cher concepteur.) 2*

(Roman le Mélode)
(Milieu du VI siècle après Christ)

Au coucher du soleil de l'époque

Constantinople mort sous vos croisades pendant sept jours en feu.
Mais l'empereur traditeur rend son prêt. Sa disgrâce est bien mieux?
Cessent d'exister les statues en Byzance, sur trois Forums... Dieu,
L'âme catholique soutient ce péché. Elle attend l'aide des fous cieux.

Ses chevaliers blancs découpent, en morceaux, les sculptures d'or... Fracassent
Les murs des temples, arnaquent leurs icônes pour telles pires populaces!
Volent cette richesse infinie des hautes tours historiques sur les places
Pour enfoncer l'aiguillon au cerveau qui, aux sauvageries, les menace,

Où leur armée possédait ce César Ville qui est nu pendant:
Un siècle dur et demi... Elle rappelle ses derniers huit cents ans,
Lorsque l'Empire Byzantine ressemblait l'enfer aux musulmans.
Et au quinzième centenaire après Christ, l'islam vainc ce pays grand.

Leurs courtisans ont traîné sa Puissance aux troubles bizarres.
Ses minarets s'opposent aux acropoles... Thaumaturges, dîtes rare:
Contre ou pour beaucoup d'iconoclastes donnent leurs grecs avars
Qui n'ont pas crainte d'orient? Mon État croit aux rois montagnards.

Et au Troisième autre Rome, son Kremlin descend par cette Byzance,
Où le trésor s'est perdu dans ce char de ses Guerres à nulle chance.
Vers Istanbul a foncé le sultan! Sois, Moscou, ton cadeau aux influences
Non de la Chine! Chère Russie, réveille-toi, prison des Renaissances

Et pauvreté de tes Astres. Leurs aubes ou leurs soirs créent ta fable?!
Notre Hellade ne restituera pas son miracle en sable.
Mais sous sa peur, ta mémoire étincèle au bonheur d'espoir stable
Au Paradis des visages, où s'élançe chaque russe véritable.

2 Tous les épigraphes de ce même livre ont été traduites par Alexander Kiriatskiy

Вместо Бога

Евреев, мусульман, христиан
Божок – песчинка. Великан
Вселенских многогранных стран
Его вампирсту не был дан.

Царьку подвластны: лишь Земля
С ней человек. Астры тля
Грозится адом, разум зля,
Что создан ею "свет" с нуля.

Почти шесть тысяч лет назад
Витал меж звёзд астральный гад.
Его притягивал распад,
Тот, что тащил миры назад:

Статичный, мёртвый, как кристалл,
Для духа мрак, как пьедестал,
Оттуда видел без начал,
Творенья Божьи, где гад спал.

Ждёт он, чтоб разум в нас потух:
Люд только с «богом», а "рай" в двух
Иль трёх тысячелетях, пух –
Земля, весь космос нам – злой дух

А все созданья в нём, как ад,
Гад только – «бог», что спит в шабат,
Мир прокликает невпопад,
Сулит за ложь – хаос наград.

Врёт: "Прежде Землю он слепил, -
Мол, Он-Царь, до других светил". -
ВО ВРЕМЕНИ, божку был мил
Обман, что дух рабам внушил,

Quoi au lieu de l'Ordre Dieu naturel?

Des juifs chrétiens et musulmans,
Dieu est ce rien. Son cosme géant
L'a opposé aux cultes dans
Nos expressions des Dons croyants.

L'idole dirige seule votre frère
Vrai pur. Menace du drôle enfer
Que nous croyons à ses chimères
Qu'on a créé tous l'Univers

«Il y a six mille d'années» au «bien»
Pendant six jours... L'a fait sa main:
Son Globe Terrestre du gredin
Qu'elle cassera le monde sien

Statique et blanc comme un cristal.
L'esprit l'a dans son piédestal,
Où chaque samedi il dort: pas mal
Et trompe sans pudeur morale

Qu'aux fils cosmiques donne l'ours en chaînes.
Il veut que nos raisons s'éteignent.
Qu'avec «dieu» soit Soumis, enseigne:
«Fermons l'Entré d'ailleurs sans peine!»

Envoie l'œil noir aux créations
Des autres civilisations
Qui lisent: quoi songent?.. Vibration
D'aire, ton accent tire l'agression

Par toutes nos religions. Il ment
Qu'il a sculpté cette Terre avant
Vos jaunes Étoiles «creuses» sous son vent:
Pour endormir sur l'un «divan»?

À ses esclaves, il persuadait
Que ce mensonge peut aider
Après leurs morts, soit abordée
Sa foi qu'elle aille contre l'idée.

Ce n'est pas Dieu. Cet égrégore
Se cache de nos mesures d'abord.
Son pus ne mange que quels corps?
L'attend le châtiment d'un sort:

Как в «Пятом элементе» шар,
Крах-Апока̀липсис, кошмар,
Земле придумал ворох кар,
Что всё живое съест пожар.

А лишь на Землю его зол
Достаточно, на произвол,
В войне чтоб голоден и гол
Стал люд и в космос не ушёл

От мести душам и умам,...
В них настоящий Бог, где сам
Гад непригляден поясам,
Вселенским, как их существам.

Влиять мечтал лгун на миры,
Как смерть, в побеге из дыры
Галактики, как кожуры
Другой Вселенной, от игры

Со временем, в нём дух рождён
Астральной пылью испокон
Веков коротеньких, там он
Землян заставит бить поклон.

Ему вруну из тьмы божков
В Египте роют первый ров,
Он возле душ, людских даров,
Где гибель тел – дверь в Божий кров

Всех смертных, также и ему,
Его низверг Бог, как в тюрьму,
Во время... Он ведь потому
Ненужен стал в нём никому.

Comme au «Cinquième (vif) élément»
L'île, qui s'explode, dépend du temps.
Aux punitions tragiques, ses camps
Se perdent à leurs bulles des gammes.

Il est soufi que sa faiblesse
Brisait nos obtentions qui pressent
Son incendie par sa vitesse
D'évolution sans nulle tristesse,

Où l'égrégore ment que cette guerre
Attache vos pauvres à ta terre
Très radioactive avec l'hiver
Pendant l'époque sans atmosphère.

Mais Dieu réel, aux arts humains,
Découvre l'Infinie, amène
Ses âmes parfaites à Ce destin,
Sans cultes de l'autre chemin.

Et le trompeur d'exil, la bête
Essaie d'influer sur les planètes,
A réfugié des Trous Noirs Faîtes,
De Dieu. Toujours rêve des conquêtes.

Au temps, est né de la poussière
Astrale. Il rit sur ses frontières
Des siècles brefs, oblige l'aile fière
À s'incliner. Armée dernière

À ce menteur, l'abîme des mythes
Construit ses temples et ses gîtes
D'Égypte sous sept pyramides
Extraterrestres qui sont vides.

Ce Ra sait claire qu'il est mortel.
Éduque l'humanité fidèle.
Sans tradition devient sa grêle:
Hors sang et sans peurs éternelles.

Шесть миллионов люди лет,
Покинув плоти, в Божий свет
Шли к Богу за дела, а вслед
Никто им не шептал зло: «НЕ Т!»

Нейтралитет материй сфер
Служил для гада, как пример.
По нарушениям размер –
Судьба в условностях всех вер.

В границах качества, как сны.
А в Боге всё одной длины
Безгранной. НЕРАЗДЕЛЕННЫ
Все времена без сатаны.

Мы – в прошлом-будущем-сейчас,
Всё вместе Благом слито в нас
Из всех цивилизаций враз,
Как бесконечности рассказ.

Граница «СЛОВА» уст – «милà»,
Глагол чей, мол, пускал в дела
БОЖОК ВО ВРЕМЕНИ - ХУЛА
Творцу, она Мошè лгала.

Когда достаточно умён
Люд станет, «СЛОВО», пласт времён
Забудется, чей раб имён
Пред чтеньем мыслей посрамлён:

У телепатов языка
Нет, ибо мыслей их река
Для «СЛОВА» - слишком глубока,
А для абстракции – тонка.

Pendant millions d'années, les morts
Accomplissaient les hommes sans corps
Vers Absolu, cet égrégore
Ne nous criait jamais: «Non!», fort.

Neutralité de sa matière,
Tu as ta construction... Aux sphères,
La brèche de nos valeurs transfère
Tes changements: aux questions-ères

Qui sont finies dans leur physique.
En Dieu est sa longueur unique
Sans fin... Infinité pratique
Tous nos cadastres galactiques,

Où leurs futurs passés présents
S'unissent par Sa Fusion de rangs.
Tout d'Univers est, cependant,
Parfait en Dieu à tous ses champs.

Dans l'un point sont toutes les espaces
Comme l'un se trouve sur toutes les places
Cosmiques. Encore, Dieu les embrasse
Par soi à ses versions des masses.

Le mot limite ta bouche: «Mille a... »
Des verbes qui se gagnent. Voilà,
La goule rompait leurs buts par là:
Quelle tromperie du mal (!) parla:

«Ce Fond Terrestre de l'idole,
Le puceron de l'Astre colle
Non raisonnable aux PAROLES
Sans sa télépathie du so!»

L'essence gère LEURS relations,
Perd l'inutile opposition
Et ce CONFLIT, où nous fixions
L'absence des compréhensions

Suffisamment intelligent,
L'on deviendra. Le mot des gens
S'oubliera. L'esclave urgent
Sera l'un télépathe sergent.

Le fleuve de ses pensées profond
Est délicat à l'abstraction,
Où sans langage brille sa vision
À ses lectures vîtes des notions!

Дал имя Богу паразит
Астральный, он в субботу спит,
Земли ничтожный сателлит,
ДуриТ с невидимых орбит.

Тварь – дух, но он - не сатана.
Десятком тысяч сочтена
Годками жизнь божка, вина
В людские влезла времена:

Пред Богом за дела в Раю,
Сыграть со временем - в ничью,
А ей бы попадàть в струю
Задумок Божьих, как ручью

Рекою у двуликих вер,
Где с правдой ложь в стихах химер,
Где гад – божок да люцифер,
Не больше Богу, чем Гомер,

Евреев взялся подчинить,
Порвал навеки с прошлым нить,
В ислам с христианством манит прыть,
Европу к Азии пришить.

Единым культом этот "бог",
Во времени "творил" эпох
Шести, устал, чуть не подох,
Уснул, и вот, переполох

"БЕЗ БОГА"?! Твари ложь – Адам!
Мрак не прибил к лжи берегам?
При встрече с Абсолютом нам
Поверье в адский бред – не срам?

Бог сразу сотворил весь свет
Тринадцать миллиардов лет
Назад, как всех времён рассвет, -
Грядущее, где злобы нет.

Le nom «divin», toi, parasite,
Dise pour dormir samedi. L'orbite
Tourne au tour de nous. Gravite,
Boule invisible, satellite.

L'éther bestiole n'est pas Satan.
Son existence, en orient,
Est calculé par dix milles ans
Influe sur leurs affaires, souvent.

Dieu nous jugeait pour nos actions.
Avec leurs chutes joue l'extension.
Au timbre, sa contradiction
A évité ses illusions.

Nous ment ta «vérité» binaire,
Touche ses croyances. Aux lumières,
Ni dieu, ni diable Lucifer,
Cet égrégore est par Homère,

A su dompter ses juifs rabbins,
Casse leur passé pré-égyptien,
Unit l'islam et les chrétiens:
L'Asie avec l'Europe sans bains.

Depuis ses «six époques» «créait»
L'odieux aux livres, à leurs prêtres...
Au «jour septime» s'endort après
Ses duperies, fatigue... Duraient

Ses fraudes, longtemps. S'appelle Adam
Vers l'aube des MENTERIES infâmes.
Sous Absolu réel, l'entame
Des Hontes purifie les âmes.

Il y a nos treize milliard d'années,
Dieu a formé Cette corde née.
L'enfer l'avait discriminé,
A élargi l'instantanée,

Жил кто-то в будущем сперва,
Не оправдал на ум права.
Второй раз в прошлом. Булава
Настигла, с плеч чтоб голова.

Ну, жил в трёхтысячном году,
Скорбя, потом блуждал в аду,
Вот с крестоносцами в бреду
Он после, к смерти на беду

Приехал в Иерусалим,
Зря обезглавлен, пал под ним,
Он с мусульманином одним
В Рай улетел. Непостижим

До Абсолюта, как всех путь,
Когда разумных понял суть,
Ты осознал: Не потянуть, -
О прошлом быстро позабудь,

Чтоб в двадцать первый век душа
Твоя влетела, не греша,
В новорождённого, где вша
В семье талантов без гроша.

Когда смерть ищет душу-дочь,
Из тела ложь та мигом прочь
Бежит, во мгле, мол, не помочь,
Но Бог там освещает ночь.

L'une milliardième. Dieu l'a sauvée.
Le diable crie: «L'annule! Je vais
Détruire partout!» Dieu l'entravait
De chaque nouveau présent gravé.

Quelqu'un vivait au loin Futur,
Lui rejetait son haute culture
Et au Moyen Âge renaît l'or dur,
Où décapite son aventure.

Plus tôt s'aggrave en quatre mille.
Après sa mort, l'erreur le pille.
La vie prochaine griffe ses périls
Par l'un croisade tué inutile.

Avec un musulman s'endort.
Jérusalem enterre deux torts.
Au Paradis, ils montent hors
L'espace, où tous s'approchent du bord

De notre Purgatoire salut
Des fous, aspirent vers Absolu.
Illimité t'a résolu
L'incohérence vermoulue.

Qu'au vingt unième preux siècle aillent
Ses nourrissons qu'ils se réveillent
Pour ne pas faire leur mal pareil
Qu'ils l'oubliaient au pire sommeil.

Lors l'homme rencontre son décès.
Mais l'égrégore va les lasser.
Seul l'un feu ouvre nos accès
À Dieu pour tout notre passé.

(11 - 12) О сгинувших атлантах

Выше всех галерей был парящий дворец,
Под невидимым куполом град.
Он для Избранных прежде — их всю жизнь венец
Главной стал из возможных наград —

Жить для общества Высших средь райских лесов!
С мраморных улиц — лестницы ввысь
Золотые — над шаром сухих облаков,
Башни чудом над ним вознеслись

Из цветных драгоценных ярчайших камней
Под безоблачной днём синевой,
Освещались все ночи мозаикой огней,
Вероятно висев над водой,

Чей бассейн колоссальный с бриллиантовым дном,
Вырыт в форуме двух тысяч мер.
Из сверкавшей поверхности в тоне одном
Взор вёл круг фантастических сфер

К серебристой воздушной подушке мер ста,
Из которой, дом-храм вырастал,
Цвет умов Атлантиды сверкал, как звезда,
Тем, кто с моря на небо взирал.

Вот, открыт, райский город с тех пор всем троим,
Он, как рай сто столетий назад
Был написан художником древним таким,
Каким ждал его адский распад.

Как вошли, поразил яркой радуги фон,
Под ней танцы немых голограмм,
В свете розовом там арки зданий времён,
Когда пали мутанты к ногам —

Покорившим планету в цепи ледников,
Тех, кто не различали слова,
Признавали зверьми, превращали в рабов,
Обучали чему-то сперва.

(11 - 12) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre

Sur toutes nos galeries, a plané leur palais...
Sous un dôme invisible, cette ville
Chatoyait pour l'élite du diadème et volait
Par l'humaine récompense civile.

Vives pour ses supérieurs au jardin édénique!
L'escalier d'or du lieu fabuleux
Monte à son château sur le nuage fantastique
Au dessus des tours miraculeux.

Les pierres très lumineuses se rappellent aux forêts
Sur nombreuses places en marbre le jour,
Où les ponts mosaïques se perdaient en soirée,
Et pendaient au dessus de l'eau pure.

La piscine manifeste le fond du diamant.
Sur ses deux mille mesures en marnière
Du Forum sous-marin qui sépare nos feux péans.
La surface aquatique coupe deux sphères.

Le coussin d'air semblait argenté. De ce voile,
Grandissait le sanctuaire actuel!
Une idée d'Atlantide scintillait comme l'étoile,
Regardait de la mer au bleu ciel.

Les trois âmes ondes ouvrent l'un bût Paradis!
Comme il y a leurs cent siècles.., prévu
A été ce futur des atlantes maudits
Dessiné au passé en revue.

L'arc-en-ciel lumineux a frappé les entrés...
Sous la danse des muets hologrammes,
Où sont dure obscurées plusieurs arches carrées,
Lorsqu'aux pieds sont tombés nos mutants.

Alors qu'ils conquéraient la planète de ses glaces,
Ils n'ont pas distingué les paroles.
Entre des animaux, l'esclavage de leur classe
Apprenait à trouver l'autre rôle.

В шар беззвучно летающий приглашены
Все три друга, взиравшие, в град
Полёт, в чудо, напомнил ценнейшие сны.
Поразили гармонии взгляд.

Грандиозность отверзла и им третий глаз,
К одной из лестниц, тех золотых,
Приближались когда, в замке ждал в этот час
Их Владыка всех роков земных.

Ко дворцу подлетел, дивно стены пронзил
Их корабль, оказавшись внутри
Под подобьем галактик из бездны светил,
Избирал где Круг Главный в цари

Выдающегося на семь лет, чтоб была
У него над планетой всей власть,
Воздавалось ему после за все дела,
И страшился он в грязь не упасть.

На глазах изменялось лицо трёх сторон,
Ровный свет в сине-красных тонах,
Из камней драгоценных сверкал древний трон,
Символ власти во всех временах.

На нём Избранный сам перед ними предстал,
На троих кресла выстроил пол,
Только сели, как космос открытый, стал зал,
Празднично в подсознания вошёл.

Аум думал одно: «У царя к власти ключ,
Даст он Землю менять для землян?».
По межзвёздным картинам направился луч
К трону сквозь миражей океан.

Через прошлые жизни скользил по векам,
От ошибок чтоб предостеречь,
Затаившим дыханье троим смельчакам
Начал Избранный длинную речь:

Trois savants volent sans bruit dans l'une boule translucide.
Les mémoires s'étonnaient des beaux styles.
Le voyage au miracle prépare leur visite
Au Conseil du Suprême Don hostile.

À ses intelligences, se donnent les couleurs
De l'une des Escaliers d'Univers...
Du château s'approchent trois hommes. Pendant cette même heure,
Les attend le chef de toute cette Terre.

Entrent dans ce palais, à travers tous les murs,
En bateau elliptique... Toutefois
Par les branches des vîtes galaxies en structures,
Pour sept ans l'on élue l'Un des rois.

De ses Astres, ce Cercle dirige l'atmosphère
Et reflète ce plus Fort par l'espace.
L'on lui rétribuera là pour toutes ses affaires,
L'âme a crainte d'aller sous sa crasse,

A varié l'apparence de tous trois côtés.
Au ton rouge, sa lumière brille égale:
Au trône en pierreries, à sa difficulté,
Au symbole du Concept intégral.

Sur lequel devant eux, l'Homme Haut a comparu.
Son plancher a construit trois fauteuils.
Par le cosme, la salle a montré toutes les rues
Des conflits tristes au troisième œil.

Le savant essentiel a pensé: «Roi, ta clé
Permettra de défendre nos gens.
Au Cerveau sans péché, ses rayons doivent rouler
Pour noyer Sa faiblesse dans l'océan.»

Sur des vies antérieures, sous leurs siècles glissait
Plus Puissant. Il prévoit les erreurs
Des trois braves que les aide l'expérience laissée,
Son épître s'adresse à la peur.

(22 - 23) О сгинувших атлантах

Сон Аума. Ждал казни, сколь не был умён,
С жизнью Марс, чей пока горизонт
В жертву нам не принёс при расколе времён
Взрывом плоти своей Фаэтонг.

Отразив его ум, подобьем мозгов
Наделил Марс своих поздних чад,
Насекомых гигантских, вдоль рек берегов
Не инстинктом предчувствовавших ад

На планете своей прежде, чем упорхнуть
В год сожженья! Как тем существам,
Полететь в чёрный космос, в затерянный путь,
В скором будущем велено нам.

Фаэтонга молили Себя не взрывать,
Чтоб в грядущем люд не породить!
Миллионов назад лет под шестьдесят пять
Марсианам не жечь жизни нить.

Вычисли, как им, даст кому мозг Земля,
Троглодита лицо среди скал
Вырезали! С межзвёздного корабля
Чтобы каждый пришелец взирал,

На кого Фаэтонг променял марсиан.
Небо снёс его разума взрыв!
Иссушил в два падения весь океан,
В космос воздуху дыры открыв!

Позже на нас с планет, марсиане, взирав
С потерявшимися наравне
Средь времён, до Юпитера наш вели нрав,
Подчиняли тончайшей волне

Нас разумных, от Шамбалы чтоб поумнел
Средь мутантов-людей лишь атлант,
Где скитальцам жильё дал Сатурн и тьму дел,
Чтоб развить в предках мозга талант.

(22 - 23) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre

Mars attendait la peine pour son haut intellect
De sa vie tuée là, sous son horizon.
À l'écart des époques, leur sacrifice abject
Reflétait l'explosion de Phaéton.

Les martiens hexapodes possédaient leur cerveau
Raisonné cadeau d'atmosphère,
La planète rouge cache les pyramides, ses caveaux
Ont prévu ce décès en enfer.

Ils avaient quitté Mars avant un coup du météore
À l'année du réveil des volcans.
Sont parti au noir cosme, qu'il les améliore
Tous... et nous crée ses intelligents.

La vie priait Phaéton de ne pas s'exploser
Qu'au futur ne s'engendre pas l'homme
Que ses soixante cinq millions d'année proposées
Aient tenu Mars vif aux astronomes.

Qui aura la conscience de Terre?... Le savait
Mars, donne ce visage au troglodyte.
Entre les roches, ses ouvriers l'ont gravé
À ses extra-martiennes proches visites.

Mais la mort de Phaéton a choisi notre gens
Et elle a abordé ce ciel chaud.
Les tombées des Bolides ont drainé chaque océan
De tout Mars qui rappelle un Cachot.

Ils dirigent et maudissent notre âme par nul coeur
À l'égal des aveugles «amis».
De ce temps, conduisent à Jupiter, tirent nos fleurs.
À son onde s'Omme nous soumis.

Les atlantes, partielles raisonnables et fières,
Enseignaient les mutants sans dure paix.
Seul Saturne Patrie trouve l'abîme des affaires
Aux têtes pour y développer.

Насекомым игра – два потока частиц,
Всех землян ненавидят они,
Для них мы первобытные все, и без лиц,
Коротали последние дни.

Если те, что спустились из прошлых пространств,
Нас взрастили, как Бог захотел,
Сложный нейтралитет не давал постоянств,
Нам двух знаков, материй предел.

Насекомые с Марса от них, в тих оря,
Посылают частицы на нас,
Что льют в мелкие щели из ада моря
В судна, чтобы в нас разум погас,

Схематично фильтрует судьбу фон-волна,
Нет выбора у всех почти.
– Ведь защитный экран нас избавит от сна,
Мы другого попросим, учти, –

Так к Ауму во сне прилетает душа
Кфира над океаном в ночи,
Знай, атлант ещё жить не готов, не круша,
В руки чтоб взять к созвездьям ключи,

Как когда-то, мутантам познать не дано,
Что Агыв с бородой – не Сам Бог,
Абсолюта хулили они заодно,
Дикарю чёрный культ был не плох

Тот, кто вылез недавно из мрачных пещер,
При полёте к Венере сказал:
«Как ничтожен божок и костров всех размер,
Мол, всевышний в пещерах, как мал,

Думал синий весь космос, он ведь, как смола,
Значит, сферами правят грехи!»
Выть пал волком, кусаться, чтоб быть духом зла,
Вырос культ из его чепухи.

Deux flux des électrons, le jeu des hexapodes
Détestait notre gens. Nos avers
Sont, pour eux, sans visages, alors que les périodes
De nos vies passent courts et non divers.

Les martiens descendants enlevaient, sans clarté,
L'homme du singe sauvage sans prière:
Pour faire nous, où Dieu veut sa même neutralité
De deux signes aux limites en matière.

Les insectes de Mars envoyaient plusieurs mers
Des mauvaises particules à nos seins.
À tes fentes étroites, coulent les fleuves des enfers.
Qu'en bateau sa raison sûre s'éteigne.

L'ordre filtre ce sort par le fond et réveille
L'or partout. L'on n'avait aucun choix.
Lors, l'écran protecteur débarrasse du sommeil.
L'autre monde l'Attend la claire Foi.

Par son âme, Phir survole vers Aüm cette nuit lente,
Au dessus de l'océan au palais.
À la vie sans ce mal n'était pas prêt Atlante.
Dans ses mains, Phir ne prend pas sa clé.

Les mutants ne comprennent nul de leurs livres lus.
Donc, la barbe d'Aguive n'est pas Dieu!
Quel cerveau primitif blasphémait Absolu
Par le culte sauvage très odieux!

Qui, il y quelque temps, est sorti des cavernes,
En voyage à Vénus exclamait:
«Mon misère feu de champ et son dieu en caserne
Ne seront plus, de moi, honorés!

Je pensais que ce cosme est bleu, c'est son brai!
Ses péchés règnent sur tout l'Univers.
Il est froid au pire loup en esprit noir! C'est vrai,
Où l'espace s'élargit par l'«hiver».

(24 - 25) О сгинувших атлантах

Столь же дикий, сколь миф из агивских времён,
Палец лишь перестал отрубать
Детям собственным, в ад его ум устремлён:
Собирать сатанинскую рать.

Он согласен и мучиться, в пытках коптеть,
Насекомые в мир мысли шлют:
Люд разумным не может стать ныне да впредь,
И нет места грядущему тут?

Как пришельцы за это их мыслями бьют,
Сотней тысяч за пару секунд,
Вот сбежавшие с Марса на много минут
Прекращают сумбурный свой бунт.

Аум вычислил коды влияния на
Неудачи и горя людей,
Как рождается каждого мозга вина?
Где исток был любой из затей?

Так они провоцируют слабости вер,
Как в мутанте без культа лишь ад,
Аум чувствует, он сам – наглядный пример,
Управления пульта лишат

Все его самого, и по той же вине!
От людей нам уплыть далеко:
Мы едиными станем, атланты извне!..
А летать и упасть – нелегко.

И Аума оставит в предчувствии сон
Неизбежности скорых потерь,
Он не знал, сколь иным будет новый закон,
Отворявших вселенскую дверь.

Утро будит его. Вот прозрачный пол весь,
Солнца свет золотил океан,
Будто бы он нарочно скрывал злую весть,
Как исчезнет в нём град-великан.

(24 - 25) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre

Deux flous mythes moins sauvage soulevait leurs tribus,
L'écrêtage de l'un doigt se remplace
Par l'une circoncision. Sans croyance, ce but
Chasse à l'autre géhenne sur cette glace.

Ses souffrances charbonnent l'âme. Car par la pensée,
Les insectes envoient leurs décrets:
Vers l'homme non raisonnable qui n'a nul passé.
L'abstraction ne gagnait rien doré.

Pour la faute, leurs navires battent ces mêmes hexapodes
En seconde par l'une mille d'idées
Que, pendant plusieurs ères, les gens aient leurs périodes
Des détente que Dieu les aidait.

Aüm a calculé ses codes de l'influence
Sur l'échec et sur tous vos chagrins.
En cerveau, où est né ce bas tort? L'expérience
A quelle source qui fait l'homme au Bien?

Les martiens réfugiés provoquaient ses faiblesses
Que, sans culte, l'homme n'aie que l'enfer.
Son panneau de commandes se rompe et laisse
Nos lectures des secrets à sa Terre.

Les hommes et les atlantes doivent se séparer,
Nous deuxièmes volerons libres loin.
Car l'unique fort cerveau serons nous amarrés
Vers Titan avant un lourd chemin.

Ce sommeil quitte Aüm. D'invisible augure
Ne peut pas éviter notre perte,
Ne sait pas quelle loi d'autre l'aura ce futur?
Ouvrira le fou cosme d'alerte.

L'aube réveille celui. Le plancher pellucide
Montre que le soleil dore l'océan
Et inspire que prévoient des consciences lucides:
Périra noyé son continent.

Круговертью пространство сознание несло
По ячейкам цепочек времён,
Каждый миг постоянство, где ровно светло,
Для движения с равных сторон.

У материй конструкции по ним бегут,
Чтоб остаться навечно в былом,
Пред Аутом скользят. А видения жгут
Ипостаси прощанья со злом.

Отражаются схемы, меняет стена
Свой экран на свиданье с послем,
По потоку лучей гамм цветных льёт она
У событий земных перелом:

«Свыше Избранный умер. Наверно решат
В Вашу пользу с немых голограмм,
Оставайтесь в синхронном падении. Спад
Подхлестнёт конур выгодных драм».

С невесомостью в голос застыли тела
Кабинета, и тает постель,
Пол как море, а стены его зеркала,
Звоном вяжут межзвёздную трель,

Эллиптически тает в глазах потолок,
Вот правительства память гудит,
Концентрирует свет и внимания ток
Отражает дум многих визит:

«Мы уже на иной ветке стыка миров!
Можем слиться в единый мы мозг,
Чтоб понятия плыли друг к другу без слов,
Покидая абстракции лоск».

Отодвинулся зал, смотрят строго назад,
На табло загорелся эдикт:
Две машины Аума теперь устранят
Эклектический средь нас конфликт.

Au circuit, l'espace ouvre ce sens maximal
À ses chaînes des cellules, aux beaux temps.
Aux constances d'instant, la lumière va égale
À tous quatre côtés de sa rame.

Ses wagons courent sur une construction matérielle.
Ils restaient au passé. Et toujours,
Leurs visions glissent sur l'arme conscience partielle
Aux adieux avec un ordre pour

Ses schémas reflétés. L'offre change ce mur
Au recours de son ambassadeur.
Ce Conseil Supérieur n'a pas peur des courbures
Et incline l'incident en couleurs:

«Élu est décédé. Mais l'on décidera
En valeur de vos muets hologrammes.
De nos chutes synchrones, tombe plus vite ce même drap
Afin de compliquer l'humain drame. ...»

Aux voix d'apesanteur, se figent les ombres corps.
Dans la sale recèle la literie.
Du plancher transparent voit la mer. Son trésor
Du trille interstellaire s'est chéri.

Sur les yeux disparaît le plafond elliptique.
La mémoire du pouvoir a fondé
Sa lumière concentrée. L'attention la critique
Et elle libre, du mal, l'île vidée:

Nous sommes sur quel rameau des jonctions d'Univers!
Nous fusionnent ses parfaits trous cerveaux
Que flottent toutes nos notions, l'une à l'autre sans guerres
D'abstraction au dessus du rideau.

L'on s'écarte, regarde sur l'un en arrière
Le tableau illumine son édit:
Par Aüm, deux machines abaissent l'ancre solaire,
Débarrassent l'intellect du conflit.

(29 - 30) О сгинувших атлантах: При сотворении

До того, как Вселенную выгнал распад
К удаленью всех сфер от начал
Измерений семнадцати, скованный ад
Из гармонии вечно молчал.

В мире меньше нейтрона родится наш свет,
Там пока не явилась беда,
Нам, всем точкам в одной без понятия «НЕТ»,
Причинить невозможно вреда.

В бесконечности ритмов любая струна,
Одинаково высшая всем,
Накопила мгновенные формы без дна
На единстве всесильных дилемм.

Единила та сила, и минус, и плюс,
Многосложного шага вина
Породила невиданной тяжести груз
Знаков разницу, их времена.

Но не может жить вечным материи рай,
Скорость та, что любовь раздаёт,
Обогнав свет четырежды, вышла за край
Грани шара, умчалась вперёд.

Миллион двести тысяч в секунду! В обрыв
Измерений всех рухнула рать,
Знаки разные – битвам их огненный взрыв,
Вновь ничто никогда не собрать.

Первородные силы исходных даров
Разобщились, войну породив
Без гармонии Бога, – законы миров
Распылили по каплям разлив.

Формы, слитые прежде в источник один
Микромира, в бескрайний простор
Отпустил Абсолют, их былой властелин:
Все куски расщепил дьявол вор.

(29 - 30) Des atlantes qui ont rapide quitté leur terre: De la création de l'Univers

Hors nos temps, Tout de Dieu et l'enfer enchaîné
Y dormaient par dix-sept dimensions.
Lors la séparation a chassé leur but né
Pour produire la fin à l'explosion.

Tout ce monde naîtra moins que son Positron,
Où alors qu'il n'y avait nul malheur,
Dans un point, tous nos lieux sans concept d'autre «NON»
S'illustraient magnifiques ou meilleures.

Par les rythmes de l'infinité, chaque ficelle
Supérieure et égale collectait
Toutes ses formes sans fond et n'avait nulle partielle
Difficile à travers l'Unité.

Sa Puissance pouvait unifier tous les signes.
Dont, la couple du pas sans clarté
A jeté l'ombre charge hors chances divines:
Trois temps pour leur diversité,

Il n'est pas paradis infini de matière.
L'être rapidité dépassait
La lumière quatre fois, où grandit l'Univers,
Le présent rappelait son passé.

Un million deux cents mils en seconde, vitesse,
Tu as fait élargir l'extension,
Où ses points opposés s'approchent qu'ils disparaissent
À travers leurs annihilations.

Là se sont dissociés des pouvoirs primordiaux
Qui conduisent à la lutte cependant.
Sans divine harmonie, quittent leurs dons initiaux.
Par les larmes, séparent ses océans.

Toutes nos forces amènent à la source unique.
Microcosme d'abîme étendu,
Absolu a laissé l'île du filtre cosmique.
Au futur, l'inutile est fendu.

Бог остался средь нас в миллиардной одной,
Что смирилась с законами зла,
Расширяющего круг шкалой временной,
Где творениям смерти игла,

Чья энергия чёрная гранями мер
К пустоте в никуда привела,
А вне времени чёрными дырами сфер
Копит свет сверх материи мгла.

Ведь она отдаляет нам гибель на срок,
От молекул и скопища звёзд
До скоплений галактик, их полый поток
В раздробленьях вселенских непрост.

За протонами - цели, нейтроны сцепить
С разрушения круговорот,
Электронами, ткущими зыбкую нить
У конфликтов бескрайних пустот.

Меж ядром и орбитами нет ничего,
Сшить энергию чёрную, мир.
Породил Бог: пространство, за ним вещество,
При распадах иллюзий эфир.

Расстоянья, как и ожиданья времён
Побеждаются чёрной дырой,
На поверхности Собранный запечатлён
Поглощённой энергии зной,

В чёрных дырах лишь струны, а им счёту нет,
Образа смыслом нотный узор
Слил грядущее с прошлым на внутренний свет
Мраку полых вселенных в укор.

Крепко держит галактики Бог Абсолют
Средь энергии чёрной у вер,
Души их воплощений спасения ждут
В Боге нет ограниченных эр.

Dieu restait dans une seule milliardième de la masse
Explosée par le mal sous le temps.
S'élargie ce même cercle partout. Il nous chasse
Des morceaux qui construisent notre champ.

Mais la noire énergie a ouvert ses frontières
Qui conduisent à sa futilité,
Où les Trous Noires s'opposent aux places vides de l'enfer
Pour suspendre ce cosme voûté.

Chaque période de la vie éloignait nos grises morts
Des microns aux amas galactiques.
Les cadastres de branches dirigent leurs flux forts,
Et inventent une arme physique:

Les Neutrons lourds s'emboîtent à travers les Protons
Afin de formuler nous divers.
Entre nos centres et les orbites d'Électrons,
Les distances séparent l'Univers.

Entre les galaxies et dans tous les atomes
Par ce temps, la sphère creuse s'élargie.
Ses rapports trompent que pour leur offre nous sommes
Tout s'éloigne de cette noire énergie,

Où son feu qui embrasse le passage disparu,
Est vaincu à travers nos Trous Noirs,
Leur conscience invite toutes les âmes, où nos rues
Se souviennent par l'énorme mémoire.

Dans les Trous Noirs, il n'y a que des cordes sans fin,
Les images en raison de leurs notes.
Par nos treize dimensions s'ouvrent tous les chemins,
La lumière intérieure n'a nulle faute.

Contre les énergies noires, nous crée Absolu,
Sauve nos contradictions et remplace
Le passé restauré. Son futur est son glu
Entre tous nos objets en espace.

Три круга перевоплощений сквозь измерения

Жизнь цельна у неорганик до огней звёзд без конца
В метагалактиках сверхразумных творений отца,
Разума всех ответвлений вне вер земного глупца,
С антиразумностью зло — в статичности мрак без лица.

Лишь роком кармы даётся избранным власть над Землёй,
То деньги с ними бушуют призрачно в холод да в зной,
Чьи жертвы — души, как тени, связанные не петлёй,
От царствий кто не ослепнет, а кто вольёт в сердце гной,

Но кто-то гибнет в таланте Моцартом, зная, почему?
Ведь горе с желчью Сальери — посланы с Чрева ему,
С праздника более страшным: свёргнутого в жизнь-тюрьму,
Чтоб не иметь, а к безумству жаждать: «Сквозь ад отниму!»

Три круга в нас, и вот Первый: матери Чрево страстей,
Где нужно время и форму ещё заслужить у ней,
Чтоб эмбрионом пройти все фазы в игре из людей
И быть творцом аль царём, не тенью — с одним из путей.

На выбор дан круг Второй: состариться и умереть,
А в Третий мир окунуться вечностью Разума ведь,
Где в Абсолюте единство — культом не пойманных в сеть,
Чтоб развиваться безгрешным без догм поверий впредь.

Trois cercles des réincarnations et leurs trois dimensions

Par chaque étoile, continue toute notre vie inorganique
Des créations. Ces sont leurs raisons méta galactiques.
Pour l'intellect éternel, nous tient sa puissance physique
Contre la noire énergie sans visage, d'obscur mal statique.

Par le destin aux élus se donne le pouvoir sur la Terre.
Crée ses ravages à travers l'argent de l'été à l'hiver.
Ses sacrifices sont nos chutes demain, aujourd'hui et hier.
L'empire n'aveugle pas l'un et invite l'autre à l'enfer.

Un homme meurt par Mozart. Où il est sa diversité?
Là, son opposé porte le chagrin de Salieri, luttait
Dans sa prison de la rue. Mais la jalousie sans clarté
A maudit toute l'harmonie et sa propre génialité.

Trois cercles sont. Le premier de mères détermine ses entrailles.
Dieu veut choisir: à quel siècle naisse l'âme, où elle se réveille
Que l'embryon passe toutes leurs hypostases dans son divin sommeil
Pour être le créateur de l'art et non son ombre vieille.

Le tour suivant fait devenir vieux, oblige à décéder,
À son troisième monde voler à travers l'éternité.
Son Paradis nous débarrasse des cultes, pour l'unité
Avec Dieu de tout. Dans l'escalier, vers Absolu montez.

*Éuterpé cohibét néc Polyhýmnia
Lésborúm refugít téndere bárbiton;
quód si mé lyricís vátibus ínseres,
súblimí feríám sídera vértice.*

*Дар Евтрéпа несла; и Полигúмния
Лéсбоса побежит лиру настраивать,
Коль причислишь меня лирика к высшему,
Средь высот прикоснусь к звёздам я волосом. 1*

(Квинт Гораций Флакк конец стиха
«К Мecenату» 20 е годы до нашей эры)

Раскрученностей бездарей поэтика Второго десятилетия Двадцать первого столетия

Без рифмы культ, то – бред в тоске,
Поэт ему – ГОВНО в руке,
ИМ в дырку брось на потолке,
Красуйся сверху на доске
Почёта, признанная срань,
Попробуй, слов набор достань.

Ножом ты рифму обрезай,
Из кожи розовенький край
С залуп, америкосов рай
Без метрики. Востока бай,
Завой под в палку, в три струны,
Хрип, горла рык из глубины,

Без связи стрòфы, им конца
Нет, ведь мы снизу без лица.
Верхушка кормит подлеца:
«Кастрируй метрики отца
Поэзии, Горация,
В Нью-Йорке свыше нация».

1 Русский перевод Александра Кирияцкого

*Éuterpé cohibét néc Polyhýmnia
Lésborúm refugít téndere bárbiton;
quód si mé lyricís vátibus ínseres,
súblimí feríám sídera vértice.*

*Euterpe, sois résonnée pour moi que Polhymnie
Veuille donner l'harmonie de sa lyre à Lesbos.
Tu m'admets le poète plus fameux de lyrique,
Mon front très orgueilleux touchera ce ciel feu. 1*

(Quinte Horace Flacce,
fin de l'«Ode à Mécène». 20 avant Jésus Christ)

Poétique des promotions d'infirmité Des graphomanes qui ont douté Du vingt et unième siècle mal heurté.

Sans rime, l'un culte des strophes tient
L'absurde... Merde sur ta main...
Avec tes selles, son trou va bien.
Les jette vers le plafond, gardien
Des blancs «poèmes», tes mots sont morts,
Essaie de vaincre leur rapport.

Coupe toutes les rimes par ce couteau,
Tire tes prépuces rosses de nos peaux.
En Amérique, ces «glands» sont gros,
Ouverts toujours pour orientaux.
Sous cette musique, hurle trois notes,
Chante ta gorge rôle d'idiote.

Nous tuions l'union des lignes d'ouvrage.
En bas, les gens ont l'un visage,
Car nos gredins cultivent l'image
Qui castre notre héritage
D'Horace, sa poésie jetée
Laisse, à New-York, sa dignité.

1 Traduction française d'Alexander Kiriyański y

* * *

Чтоб выжить, сотни тысяч лет впотьма́х брёл троглодит,
В войне с природой полузверств грёз — дух его спит,
Раб нёс в Египте камни зря ль на стройки пирамид,
Как к смерти эллин средь войн не рыдал театром навзрыд.

Религиозники из новых вер гласят, что им пасть в ад
За то, что рождены до их ученья невпопад,
Без жрѣчества книг культов бездну лет тому назад,
Где жалость, но к страданьям душ, которым чужд обряд?

Строй гениев античных Муз избрал сам Абсолют
Тем, что бессмертен взгляд у тех на жизнь и не сведут
До непростенья их неверья в культ: как взять уют
За праведность традиций, да рай чей за сверхтруд?

Не Колумбана ль из Бангора с дикими сравнить?
Как от наложниц из Ирана требовать брать нить,
Что ото всех религий в космос дух тянет, чтоб быть,
Неважно, из каких ты вер вперёд шёл не кружить!

Ведь за поступок без насилий благ, где их закон
Стал выше дара жизни! Не деспот Бог, не за поклон
Он награждает или судит, как считал Платон,
Грех после адских мук при осознаньи всем прощён.

Нам с детства вбито, что «ТАКОЙ» вот Бог, иль бога нет,
Есть души, что не могут осознать культ предков, бред.
Пред Богом за эпоху зверств мгле не держать ответ.
Лишь вновь дано родиться совсем другой на свет.

Не только людям рая дар, но и разным существам,
Где добродетель или грех; с ним отразиться нам,
Как клеткам у Вселенной в разуме, он по стопам
Сил свыше тянется к Творцу Рая сквозь путь к мирам.

* * *

Donc, d'un million d'années, a survécu le troglodyte.
Par la nature d'atrocité, dort son esprit d'hybride.
Et en Egypte, les esclaves construisent leurs pyramides,
Pendant ses guerres, le grec pleure aux théâtres des morts vîtes.

Nos religions affirment que l'âme tombe en enfer,
Car elle est née avant les vies de nos prophètes divers,
Il y a beaucoup de temps avant la foi de notre frère.
Nos rois cachent la pitié à tous: limpides des autres ères.

Les muses et leurs génies étaient choisis par Absolu.
Leurs points de vue sont vifs toujours. Ils n'ont pas lu
Deux Testaments et le Coran. Aux cultes n'a pas plu
Ce Paradis de Dieu hors traditions et sans leur glu.

Confronte Colomban de leur Luxeuil et l'homme sauvage.
Ne juges jamais des concubines d'Iran pour leur Moyen Âge,
Toutes nos Croyances nous amènent au ciel de leurs filages
Afin de surpasser par chaque idée pour l'être sage.

Vers l'acte sans violence des bienfaits, l'ordre est bon
Qui ne devient jamais plus cher que toutes les vies qui font
Voir Dieu non pour telle révérence, expliquait Platon:
Par le tourment s'excuse la faute pour sa compréhension.

Depuis l'enfance nous croyons en Dieu traditionnel.
À cette sauvagerie, l'obscurité devient fidèle,
Car elle n'a pas senti l'erreur des livres immortels.
Dans l'autre civilisation, l'âme renaîtra sans fiel.

Au cosme raisonnable, non à seule l'humanité
Décent ce Don pour naître, vivre et se refléter
Dans l'Univers comme ses cellules afin de l'accepter
Au Créateur des mondes, au Paradis Beauté.

**Как иголка,
колка без толка,
не ермолка,
холка волка**

Ветер сейчас,
Крах для нас,
Рыщет охотничий глаз,
В пулях он смерть нам припас
Жаждой немислимОй.

Гор красота,
Нечиста,
Людям страшна высота,
Изгнана жуть. Неспроста,
Ум их и мысли мой.

След на снегу,
Волк, бегу,
Псы чуют запах, врагу
Ясно, что я жить могу
Плотью бессмысленнОй.

Взмыл вертолёт,
Я на лёд
Бросился, пусть в переплёт
Я попаду один, шлёт
Гибель моя смысл иной.

Я под прицел
Не хотел
Сразу попасть, ещё цел,
Истина-смерть, я не смел
Жизнью жить низменнОй.

**Sur l'aiguille,
une famille dure brille
et le loup se grille
pour ses propres filles:**

L'ordre des gens,
Est le vent.
L'œil du chasseur, fasse le grand
Assassinat en gardant
L'Être des morts utiles!

Quand les montagnes
Voient le temps
Qui tirent nos loups? Notre sang
Est sur leur neige. Et l'homme gagne
À tuer par ce gris style.

L'air laisse ma trace
Aux chiens grâce
À mon odeur... Que l'homme chasse
Sur moi, quitter cet espace
Dans l'âme sans corps débile.

L'hélicoptère
De chimères,
Me persécute sur ma terre!
Sauve tous nos fils en guerre
Du sacrifice, en fil!

Rapidité
Non voûtée,
Ne permet pas de noter
L'Être sans vie enchantée
Par ma famille sous l'île.

Прячетесь в нору
 По утрам,
Дети-волчата, сдеру
Шкуру с себя я в миру,
 Деспот вычислен мной.

Пуля в крови,
 Удави
Жизнь мою ради любви
К детству, мне слепо яви
 Спад с верой, искре ной.

Выживет род,
 Не умрёт,
Я не зря мчался вперёд,
Вырастете вы за год,
 Вспомните истин вой.

С острых вершин,
 Горных льдин,
Я ухожу из долин,
Бойтесь всегда, дочь и сын
 Смерти завистливой.

Dans le terrier,
Vous pourriez
Vivre cachés du mûrier,
Vous rappelez le dernier
De ce bonheur fragile.

Balle en fer digne,
M'assassine!
Pour le futur de vos mines
Trop nourrissantes sans vignes
Comme sans malheur en mille.

Que ma lignée
Des poignées,
Dans un printemps, soit régnée.
Mes louveteaux sont soignés
Par leurs enfants gentils.

Sur ce sommet
Animé
De nos montagnes abîmées,
Ne bravez pas d'en aimer
La jalousie hostile.

Господину Капитану Сергею Александровичу Шумилову

Галич ныне во Франции б шёл на ножи,
Беженец, в сто пятнадцать звони, как бомжи,
О башку, где ломают тарелку. Держи,
От французов обкуренных... Жри и дрожи,
Здесь цветком -- раньше Кá-рагандá...
Сумку крепко скрути под рукой. Грабежи...
Сон без ног, подъём в шесть, мы всегда,
Как стрижи.

А бандиты воруют и лгут, перестань
Чуять боль, кайф наркотиком ловят на дрянь,
Диких дух жаждет бить всех других, смех, отстань,
Находи повод явью, страдала чтоб срань,
Тут убежища просит старик...
В прошлом он вёл корабль за грань
Горизонта, за что путь велик,
Спи, как в дань,

В комнате со зверьём, где в умах-облаках
Грех, не груди храпят, в них гнёт раж, злостный прах,
Он несёт людям всех вóзрастов гнев на страх,
Из живых бесов прячет один груз в глазах,
Капитану угроза, он -- враг...
В Страсбурге, человек, мўдра честь на ногах,
Не опустится он до собак
Сном в рабах.

Сам с собой бормотал и вопил всю ночь хмель,
Есть, порой, идиоты, что ссутся в постель,
Утром жрачку несут, к смеху дрогнула ель,
В семь утра из стен серых -- вон, грусть. Под копель
Чтоб нигде не сидел пожилой...
Весь день плата за жизнь ту, Европе в кошель,
Возвращайся в ночлежку, больной,
К ночи в сель.

Капитан, знай, не беженец, статус другой,
Он ведёт к наркоманам, давившим покой,
Поздно простит о помощи старец седой,
Тридцать лет бы назад судно взял с ним прибой
У Нью-Йорка, раскрыл бы врата,
Покупал бы убежище во-время. В бой,
В океан с гарпуном на кита,
Не с сумой.

Pour M. le Capitaine Sergueï Alexandrovitch Choumilov

Aujourd'hui et en France, Galitch est la bête,
Téléphone au cent quinze, l'on bat mes poètes.
Réfugié, par ton front, un drogué rompt l'assiette,
Mange comme ces français sans raison et sans tête
 Ta Russie se rappelle dans mon cœur
Tienne ton sac sous ta main, ce destin nous rejette,
 Dors sans pied! Réveilles-toi à six heures
 Hors des fêtes!

Les bandits volent, nous mentent: ils cessent de sentir
Leur douleur pour quelle drogue! Car obtiennent le plaisir.
L'âme sauvage voudrait tuer l'autre forme pour rire,
Trouve la cause claire afin d'obliger à souffrir,
 Un vieillard, requérant de l'asile
Au passé, celui-ci dirigeait son navire
 Commercial, voyageait vers les îles
 Pour dormir

Dans une salle avec ses animaux, dans les nuages,
Qui ne sont plus les hommes, car ils n'ont que leur rage,
Portent l'ère des souffrances dures à tous nos âges.
L'un de ses diables vifs te dévoile son visage.
 Il menace notre vieux capitaine
À Strasbourg, l'Homme ne perd pas l'honneur et ses sages,
 Où il ne s'abaisse pas jusqu'aux chiens,
 En dommage.

Toute la nuit avec soi, les ivrognes parlent. Crient,
Et, parfois, ces stupides pissent dans leurs literies.
Au matin, l'on donne la nourriture, l'ordre rit.
À sept heures, l'homme quitte ce bâtiment triste, gris...
 Le malade très âgé est à pieds
Tout le jour. Pour cette vie en Europe, c'est son prix.
 Dans douze heures, il revient au foyer
 De souris.

L'on dit qu'il n'est pas le réfugié. Ce statut
Conduit le capitaine aux drogués qui nous tuent.
Dont il prie l'aide trop tard, ce vieillard a perdu
Le printemps, car, il y a trente ans, il avait dû
 Embarquer son bateau à New-York
Et l'asile politique pouvait être vendu.
 À l'océan, il rattrape l'os de l'orque
 Dépendu.

«Stabat mater dolorosa» (Якопоне да Тодди)

Разум лопнул от натуги,
Пала ниц душа в испуге,
Беженцы -- одни ворюги,
Судьи взятки, хватъ.

Пьянь, бандиты, наркоманы,
Воры, кланы, их тираны
Ставят на других капканы,
Матом кроют мать.

Точки сходок зол - в Европе,
Как в продажной, хитрой жопе,
Черви липкие в утробе
Вышли рать на рать.

«Stabat mater dolorosa» (Jacopóne da Tódi)

Le statut de «réfugié»
Présume nos étrangers
Qui coupent leurs chrétiens âgés
 Dans les guerres civiles.

Nos esclaves européens
S'abaissèrent aux gales de chiens,
Ils grattèrent la peau, pour rien,
 Par cette vie tranquille.

L'on enchantera chaque mot
Du persécuté «normaux»
Qu'il soit fort par quels trumeaux
 Des beautés habiles!

Qui n'était jamais malade,
Lave vos culs pour tous ses grades,
Il n'est pas le camarade
 Des stupides de Nil.

Seules ces bêtes reçoivent l'argent,
Comme vos supérieurs des gens,
Elles obtiennent l'or, en bougeant
 Par leurs pipes si viles.

Camp de nos concentrations,
Tu as, pour une expression
De la civilisation,
 Ton futur péril.

La raison s'est déchirée.
À genoux, l'âme perd son gré.
De l'asile, elle apparaît
 Comme un bon Acheteur

De Nombreux Juges qui t'ont dit
Que les cieus soient interdits,
Que vivent leurs drogués bandits
 Comme leur Grand Voleur!

Car l'Europe est leur rencontre
Comme le cul qui nous démontre
Que ces vers seront gluants contre
 L'ombre du bonheur.

Русь воспела зло богами,
Гады нас, славян - врагами,
Русских топчут сапогами:
Быстро, мусор взять.

Моет стариков в маразме
Наш профессор, в нервной спазме
Жизнь, под признанным в оргазме,
Ссытся на кровать.

Беженцы -- лишь те чеченцы,
Что жгли Русь и извращенцы,
Остальные отщепенцы
Могут рядом спать

С колющими морфий в ноги,
Чтобы знали, как убоги
Устремлённые в дороге
К мафий всех суду

Прав, иллюзий человека,
Перед ним стоит калека
На коленях, символ века:
«Скоро упаду!» -

Суд, стрелявшего в фашиста,
В тюрьмах бить, как экстремиста,
Повелел, дорога чиста,
Правда на виду.

Шепчет синими губами,
Старец слепнет со слезами,
В дурку пал вперёд ногами,
Луч искал в бреду.

La Russie les intitule
Ses Dieux, mais ceux-ci la brûlent
L'ordre bat, comme les crapules,
L'infinie douleur.

Les vieux sont dans le marasme,
L'on les lave par l'enthousiasme
Des savants russes, car l'orgasme
Pisse sur leurs MeilleurS.

Reconnus sont les tchétyènes
Qui voient, en Russie, l'arène
Des batailles, où nous amènent
Aux antiques vendeurs

Des esclaves... Les autres peuvent
Endormir parmi les fleuves
Dans la rue pour les épreuves
De vos Droits de l'Homme,

Où se cache la Cour énorme.
Sa réponse a telle forme:
Attendez-moi sous vos ormes,
Tous conduisent à Rome.

Votre illusion vient vide.
Sous celle, souffre l'invalidé.
Par le front, il a quelles rides:
«L'âme n'est pas en gomme!»

Qui tuait tous ses fascistes,
Est, par cette Cour, dans la liste
Des tirants, comme l'extrémiste,
En enfer, nous sommes,

Murmurez par ses bleues lèvres:
«Ce vieux perd la vue, en fièvre
Pleure, en fou malade énerve,
Il cherchait sa pomme.»

Qui passait cette vie très pure,
N'est pas liée à la piqûre
Des drogués, car sa blessure
A plusieurs diplômes.

Mais vous plaisent seuls les mensonges,
Car, par eux, vos pouvoirs prolongent
À manipuler nos Songes,
L'Être à genoux.

Всем рабам мечта знакома,
Кроме страшного облома,
Ничего нет, только кома,
Свет лишь не в аду.

Помнит он тропинку к чуду:
«Я был вечно, есть и буду!
Тьма коль видится повсюду,
К Богу мир веду»

"Stábat máter dólórosa
Júxta crúcem lácrimósa»
Víta brévis ést, curiósa,
Práti frigidú"

Leurs robots règnent sur la France,
Car séparent, sans différence,
L'eau de leur Reconnaissance
Et la Mort pour nous.

L'Univers n'a rien et grève
Mais sa déception est brève,
Tous les êtres ont leur rêve,
La lumière des trous.

Dans l'obscurité sans chance,
Ce feu a la voix d'enfance,
Lorsque l'autre vie commence,
Dieu se trouve partout:

"Stábat máter dólórosa
Júxta crúcem lácrimósa»
Víta brévis ést, curiósa,
Práti frigidú"

Mère, tu as la douloureuse
Larme, ta croix amoureuse,
Donne la vie brève et curieuse
Le vent froid est doux.

Рабство

Это Канада,
(Говно из зада,)
Бьёт у распада
Белый люд, стадо:

Взять Бангладеш
Помощью меж
Ног! Кал чей съешь
За мысль невежд!

Судьям под зад -
За статус в ад:
Форма оплат
С тысяч пятьдесят (пейсид).

Жадины глаз,
Старцев ты в раз
Без денег масс -
Смыл в унитаз.

Оставь, сын зла,
Мать без угла...
Свет продала
Эра баблa.

Бытность затронь
Без дорог..., конь.
Еби ж ладонь -
У господ вонь.

Esclavage

Le Canada
(Merde dedans)
Bat, cependant,
Ses blanches gens.

Car veut aider
Aux bangladais,
Sur nous merdait
Pour chaque idée.

Aux juges gentils,
Paye pour l'asile
Cinquante mille
Dollars utiles.

Les yeux avarés
Tuent vos vieillards
Pauvres et rares
Pour leurs standards.

Que chaque enfant
Quitte ses parents,
Où tout se vend
Par l'ère d'argent.

L'être humain
Perd ses chemins,
Car baise les mains
De ses doyens.

*2.23 Palais, oyaseau, par oyaseau deschassé,
Bien tost après le prince parvenu:
Combien qu'hors fleuve ennemi repoulsé,
Dehors saisi trait d'oyaseau soutenu.*

*2.23 Дворец, птицами изгнана птица, враги,
После принца-высочки: вот, должник,
Бед сколько по ту сторону реки,
Поддержан - без стрел птицей схваченный - миг.*

(Нострадамус 1555 год)

КАРА

Измени Земли картину,
Сделай времени машину,
 Двадцать третий век,
Ведь при скоростном прорыве,
Как в молниеносном взрыве,
 Тут же таит снег,

Непродуманный поступок,
Не представим, рок сколь хрупок,
 Шаг, вот, нет людей,
Но божественная сила
Зря собой плод наш кормила,
 За поток идей?

Бог и в прошлом, и в грядущем,
А лишь глупым, манны ждущим,
 Кажется порой,
Человек богоподобен,
Осознать он неспособен,
 Что не сам – герой?

В прошлое, вот, ляжет судно,
Мир пойдёт, понять не трудно
 По иным путям.
В Мезозое кушать надо,
Там застрелят просто гада,
 Что не рад гостям.

Не родятся его дети
Пищей тех, кто на планете
 Время ставит в ряд.
Ящерицы мышек предков,
Ползавших среди объедков,
 С голоду съедят –

*2.23 Palais, oyaseau, par oyaseau deschassé,
Bien tost après le prince parvenu:
Combien qu'hors fleuve ennemi repoussé
Dehors saisi trait d'oyaseau soutenu.*

*(2.23 Au palais, se remplace l'oiseau déchassé,
Tard, bientôt combien d'eau, le prince est parvenu?
En dehors des fleuves, l'ennemi s'est stressé,
Car le trait de l'oiseau est saisi et soutenu.)*

(Nostradamus 1555)

PUNITION

Modifie le, Globe Terrestre
Chère machine du temps, orchestre
Par le vingt troisième
Siècle, sa vitesse énorme
Change et explose les formes
Tous deviennent leurs crèmes.

Au passé, l'action stupide
Bat la vie! Par celle si vide,
L'autre prévision
A quel but? L'espace amène
Aux questions: «Aux âmes humaines
Dieu donne le grand trône.

Dieu est en dehors des ordres
Du présent. Le temps peut mordre
Les imperfections.
L'homme n'était jamais l'image
D'Absolu. Rompt son voyage,
Toutes ses illusions.

À l'ère chaude Mésozoïque,
L'homme est dans sa fantastique
Digne machine du temps.
Pour manger, tue une mouffette.
Celle-ci ne donne pas ses bêtes
Pour remplir les champs.

Le futur ira par l'autre
Route qui ne sera plus notre
Règne des mammifères.
Les reptiles mangèrent l'ancêtre
Des souris pour ne pas être
L'homme sur notre Terre

Порождение животных,
Молоком кормивших родных
Чад своих, тогда
Грудью выйдет в мир - кормиться
Утконосами лишь птица,
Случая беда.

В разуме природы судьи,
Полуптицы, полулюди,
С клювом вместо рта,
Люд задержат в настоящем,
В корабле, злом им грозящем,
Зря запрут врата.

В прошлое, взлетев, машина,
Грубая людей детина,
Не сядь без ума,
Исправлять ошибки страшно,
Рок судьбы не трогать важно,
Чей плод – ты сама.

Au cerveau des raisonnables,
Que l'oiseau fasse sa plus stable
Civilisation,
Sous le bec est la poitrine,
Leurs croyances sont divines,
Veulent dire à l'homme: «Non!»

Le destin de la nature
Des oiseaux crée sa peinture.
Leur bouche c'est leur bec.
Car l'époque des dinosaures
Ferme nos voyages sans heures
Que mon sang soit sec.

Au passé, notre mesure
Du temps ouvre nos blessures,
Dieu corrige l'histoire,
Cache nos dangereux ouvrages,
Ne laisse pas à l'équipage
De faire ce cauchemar.

*2.28 Le penultième du surnom du prophète
Prendra Diane pour son jour et repos:
Loing vaguera par frénétique tête,
Et délivrant un grand peuple d'impôts.*

*(2.28 Пророка предпоследнее из имён
Диану для отдыха дня возьмёт,
Далеко, буйной головы закон,
В путь, освободить – гигант-народ.) 1*

(Нострадамус 1555 год)

Бог в двадцать пять веков раз // сам колесо Драхмы крутит,
Духа незримый мотор, // чтобы землян на одну
К звёздам пустили ступень, // как времена пройдут, будет
Новое нечто-то вокруг, // с ним все войдут в глубину

Тайн сверхсознаний, в рассвет // непостижимой идеи.
Пульт управленья Землёй // женщины в пальцы берут,
Мысль от раздора спасти, // пламень у образа феи
В свете от полной Луны, // где медитации труд

«Третьим Дхьяны зрачком» // назван, как на Атлантиде
Был ров пророчицы слёз (1), // чей пал осколок в Санскрит (1)
Бездну столетий назад, // снова льёт луч в том же виде.
Как в двадцать восемь ночей // раз полнолуние горит:

«Но тех несчастных землян, // в пламени бросивших Землю,
Ввысь вёл последний пророк», // люди куда полетят,
Глаз у Дхьяны молчит, // я Нострадамусу внемлю,
Что мир ждёт прощенья узнать, // чем им вернуться назад».

Кто-то очистит свой ум, // также кому-то пасть зверем,
Коль мысли смогут читать // все друг у друга за миг,
Нас обезножат вне зла // крылья, которым поверим,
Тех, кто упал разлучат // с теми, кто космос постиг.

*2.28 Le pénultième du surnom du prophète
Prendra Diane pour son jour et repos:
Loing vaguera par frénétique tête,
Et délivrant un grand peuple d'impôts.*

*(2.28 Le pénultième surnom du prophète
Prendra Diane pour son jour de repos:
Et loin voguera par la frénétique tête,
En délivrant un grand peuple de l'impôt.)*

(Nostradamus 1555)

Chaque vingt cinq siècles, Dieu crée, // tourne la Drachme en route,
Son invisible moteur // de nos esprits, trouve l'union
Par les niveaux des étoiles... // L'innovation nous écoute,
Celle-ci reflète tous les temps // pour l'infinie rotation.

La subconscience de l'homme // prend les idées de sagesse,
Fait diriger la planète, // par seules les femmes en raison
Qui sauvent la télépathie, // l'ordre des enchanteresses,
Coulent la lumière de la lune // plaine, à la méditation.

Le troisième œil de Dhyâna 4 // donne la frontière, par sa ride,
Entre deux indépendants // de nos conflits... En sanskrit, 1
La prophétesse l'a prévu // dans les douleurs d'Atlantide.
Pour le futur de nos races, // sa prophétie est décrite.

Nos malheureuses âmes en feu // quittent, en futur, notre Terre,
Nostradamus nous conduit // par les antiques souvenirs.
Et quel destin nous attend? // L'œil de Dhyâna doit se taire,
Dont je démêle son mystère // qu'il ne faut pas revenir.

Sans mal, l'un est l'animal, // l'autre nettoie sa conscience.
Mais tous savent lire les pensées // de tout le monde partout.
Qui a des ailes, perd ses pieds // par leur belle indépendance
Pour séparer ceux tombés // et ceux qui ont le bien doux.

*2.41 La grand' étoille sept jours brûslera,
Nuée fera deux soleils apparoir:
Le gros mastin toute nuit hurlera,
Quand grand pontife changera de terroir.*

*(2. 41 Зажжёт большая звезда семь дней,
Туча два солнца заставит сиять,
Гигантский пёс всю ночь провояет под ней,
Как понтифик взойдёт земли менять.)*

(Нострадамус 1555 год)

Когда атмосферы ревущее пламя кометы
Коснётся, земные пласты станут столь разогреты,
Что в самом прохладном подвале завоюет собака
От жара – на лампу пред тучей бетонного мрака.

Из метеоритов на Землю метнётся прямая атака,
На тверди без жизни при вспышке двух солнц к чувству краха
Оставшихся чудом в живых. Из старейшин советы
Понтифика веры одной изберут, чтоб ракеты

Скорее он в космос отправил на спутник Сатурна,
Коль сравнивать с пеклом-Землёй, на Титане недурно
Покажется странникам, жившим в закрытом овале,
Когда камнепады из шлейфов кометы прорвали

Над бункером-городом купол, где жить продолжали,
Как волк на фонарик «Луну-Колесо», – при печали
Огромнейший пёс ноту взял глубоко, там сумбурно
Чуть выше топчется люд, где человечества урна.

2.41 La grand' étoille sept jours brûlera,
Nuée fera deux soleils apparoir:
Le gros mastin toute nuit hurlera,
Quand grand pontife changera de terroir.

*(2.41 Pendant sept jours, la grande étoile brûlera,
Car son nuage obligera deux soleils à apparaître
Toutes les nuits, le gros chien hurlera,
Le grand pontife changera la terre pour naître.)*

(Nostradamus 1555)

La flamme orageuse des comètes brûlera l'atmosphère,
Les villes tomberont, l'homme habitera sous leur terre.
En raison de l'air chaud, un chien hurlera sous les murs.
Leurs grottes sauveront la vie à travers les sous-sols obscurs.

L'attaque des météores ouvrira leur nouveau siècle dur,
Alors que deux soleils couvriront l'enfer par nos blessures.
Les individus choisiront les élites en mystère
Avec un prophète pour sauver, par nos âmes, leur lumière.

Titan de Saturne deviendra le but des navires
Spatiaux, ses robots tenteront de construire
L'énorme station pour faire là, par le méthane, l'oxygène.
Mais la coupole ne défendra plus nos maisons humaines.

Et l'être devra habiter dans leurs villes souterraines,
Où, comme le loup, criera un chien sous les antennes
Sans vie. Son urne paraîtra une prison pour souffrir.
Nos rêves ne seront que le ciel, comme le cosmos de Sir.

2.62 *Mabus puis tost alors mourra, viendra, /в зеркале - sudaM/
De gens et beste une horrible defete
Puis tout à coup la vengeance on verra,
Cent, main, soit, faim, quand courra la comète.*

(2. 62 Саддам умрёт скоро, идёт, как есть,
Адова бестия, людей дефект,
Потом увидят удивлённо мечь,
Сто рук, жажду, голод в налёт комет.)

(Нострадамус 1555 год)

В двадцать первый век // возвратился снова
Нострадамус к нам.// Знал сколь нездорова
В странах диких жизнь, // как судьба сурова
К тем, кто без крова.

Запад ненависть // вызвал у беднейших,
В голоде сплотил // против богатейших
В мире государств, // техники новейших
Сил врагов злейших

Для народов, где // не имели права
Знаниями сверкать, // быть благого нрава,
Из учёных их // мощная орава –
Белым отрав.

Вот поэтому // и сплотил Коран их,
Символ их, Ирак, // пал в кровавых ранах,
Как вождя казнят, // взбесятся в тиранах,
Боли поганных.

Европейских стран // университеты
Не считались, но // и на них запреты
Даже тем, кто жил // в странах, где куплеты
Равенству спеты.

Чтобы Мастер брёл, // русский иль китаец
Хоть от трёх Сорбонн, // по стеклу как заяц,
Под дождём иль в зной, // почтальон-скиталец,
Меж газет палец.

Все профессорà, // что несут рекламу,
А за то, что лишь // не войдут в программу
У Америки, // за изгоя драму –
В помощь Саддаму

2.62 *Mabus puis tost alors mourra, viendra, /en miroir - sudaM/
De gens et beste une horrible défete
Puis tout à coup la vengeance on verra,
Cent, main, soit, faim, quand courra la comète.*

*(2.62 Alors que Saddam mourra plus tôt, viendra
Une défaite horrible des gens et des bêtes:
Puis, tout à coup, la vengeance, on verra,
Que cent mains aient faim, lorsque courra la comète.)*

(Nostradamus 1555)

Nostredame décrit // l'aujourd'hui sévère,
Où ce siècle a // soif des autres guerres.
Dans les pays sauvages, // passe leur l'Âge de Pierre,
L'art de chimères.

L'occident a peur // de leur haine profonde.
Qui a faim d'argent, // unira ses ondes
Contre l'industrie // de nos vies secondes,
Par tout ce monde.

Manque l'or droit sur // leur reconnaissance,
Nulle consécration // des perdus sans chance
Idéalise Saddam // en l'Europe, en transe,
Sans indulgence.

Tous voient la raison // d'être, pour laquelle,
Son Coran formule // quelle croyance belle
De l'âme rejetée! // Naît tel vite modèle
Des morts fidèles!!!

Nos Diplômes d'Europe // nous annulent Leurs Titres
Sont comme mes carnets // de libre arbitre,
Leur mafia oblige // à faire leurs pupitres,
Rompt sous ses vitres.

Que nos Masters Deux // de toutes vos Sorbonne
Distribuent, partout, // les réclames mignonnes
Sous la pluie sans fin, // l'esclavage pomponne
Quelles richesses bonnes!

Et nos professeurs // portent la réclame,
Ne sont pas entrés // dans le gris programme
Des États Unis. // Qui oublie leurs drames,
Aide à Saddam, et

Новому! Когда // мокрые до нитки,
С морем в сапогах, // от одной калитки
До другой ползком, // будто бы улитки,
Прятали свитки

Разноцветные // в дождь с утра до ночи!
Некому шепнуть: // «Искренне, нет мочи!»,
Красные во тьме // притупились очи,
Боль гонят прочь! И

Расступайся, мгла, // тянут вдоль дороги,
Но лишь по траве, // камень, режешь ноги,
Ступням дай глаза! // Смотрят вниз не боги,
Сколь же убоги

Люди все пред ней, // красочной рекламой,
Для кормилицы, // дорожайшей самой
Тут под зеркалом // с ртутной амальгамой,
Ящика рамой,

Возле стул стоит, // и в его вы власти,
Позовёт шофёр // полный желчной страсти:
«Не работаем!» // – вырвется из пасти.
Встали , вам, счастье.

Ступни знак дают // ясный под колено,
Он пронзил бедро, // ритм считает вена.
Вспомнился Саддам..., // у машин сирена –
Не перемена.

Нострадамус на // предостереженья
Судьбы предсказал, // времени броженья,
Что даёт в стихе // всем до Откровенья,
С неба сеченья.

Coule les lacs salés // très froids dans nos bottes,
Lorsque je me traîne, // où les buts pilotent.
Mon corps se mouille pour // la réclame idiote:
«Goût de biscottes».

De l'aube à la nuit // doit tomber l'averse.
Mais la vie trempée // se vend aux commerces,
Où nos larmes chaudes // ont leurs causes diverses,
Aux vents se versent.

Les douleurs s'abaissent. // Sur ses pierres dures
Tu ne chemines plus... // Tirent plusieurs piqûres.
Aux gazons, l'on voit // l'herbe douce. Ses cures
Sont moins obscures.

Devenons misères! // Les revues pesantes,
Dans les «publie-sacs» // noirs nous alimentent,
L'escalier amène // aux Riches qui nous mentent,
Montrent leurs plantes.

Sous Leur pOrte est // une chaise en plastique
Ce miracle jette // le plaisir cosmique
Aux esclaves mouillés... // Le chauffeur panique:
«Levez vos cliques!»

Donne nos yeux aux pieds! // Nos passions reviennent.
Deux genoux calculent // chaque coup de mes veines.
Apparaît Saddam, // où retiennent leurs chaînes,
Sonnent nos sirènes.

Nostradame prédit // les effervescences
Du temps relatif. // L'homme sans expérience
Ne doit pas savoir // toutes ses providences
Comme leur absence.

*2. 75 La voix ouye de l'impolit oyseau
Sur le canon de respiral éstage
Si haut viendra du froment le boisseau,
Que l'homme d'homme sera Antrophophage.*

*(2. 75 Голос слышен нежеланных птиц
Из трубки этажа, он дышит, как рот,
К небу ввысь коль пшеница без границ,
Человек человека сожрёт.)*

(Нострадамус 1555 год)

В детстве хлебное поле ребёнку как лес,
Счастье чуду, вошедшему в раж!
Отражал колосков желтизну цвет небес,
Ведь дышал небом детства этаж:

Красным тоном обоев на жёлтом полу,
Детство в отрочество обращал
Жизни путь, а стремился в разведку ко злу,
И вырослел лет ушедших хорал.

В десять лет поразил Роллинг Стоунс да попса,
В трубках каждой колонки магнит,
К злым героям потянут умы небеса,
В тихом зле спит по множеству гнид.

Вороны над окном зря ль кружили тогда?
Сел же на подоконник один,
Нежеланное карканье, что? Ждёт беда?
Но не сильных, как мальчик, мужчин.

Плюх, на стул, как на трон, мир ему ни по чём,
Все другие – ничто перед ним,
Сила – гордость соседей ночью да днём,
Жёлтых туч гром в нём неуловим,

Что возьмёт в руки власть над побитой страной
Через тридцать пять с капелькой лет,
И сожрёт всех друзей, за чьей сильной спиной
Примет в руки державы скелет.

*2. 75 La voix ouye de l'impolit oyseau
Sur le canon de respiral éstage
Si haut viendra du froment le boisseau,
Que l'homme d'homme sera Antropophage.(*

*(2. 75 Entend la voix de l'impoli oiseau
Sur le canon, où respire chaque étage:
Car le froment haut viendra du boisseau,
L'homme mangera l'homme en Anthropophage.)*

(Nostradamus 1555)

La forêt infinie voit le champ de froment,
Le bonheur du miracle en rage,
La couleur des épis vous éduque un enfant
Qui respire, dans le ciel, par chaque âge.

Les tentures transformèrent son plancher de l'enfance,
Dans l'image du jaune adolescent,
Son chemin s'attira, par sa reconnaissance,
À l'heure de l'espionnage et descend

Au jeune homme qui écoute ses chanteurs populaires.
Dans chaque mal, dort l'abîme des ordures.
Mais l'absence de Muse a les voix de chimère,
Se soulève par plusieurs aventures.

Par dessus des fenêtres volaient les corbeaux,
Sur l'appui s'est assis l'un des freux.
Celui-ci interdit de donner un verre d'eau
Aux derniers, qu'ils soient morts malheureux.

Au Monarque au trône toute la Terre se soumet,
Tous les autres hommes sont les zéros.
Sans lumière, sa couronne saura être charmée
À travers nombreux ordres très gros.

Il prendra le pouvoir sur beaucoup de pays
Dans nos ans liés à la liberté,
Brûlera ses amis à l'époque de leur nuit,
Notre être devra s'abonder.

*2.81 Par feu du ciel la cité presque aduste,
L'urne menace encore Ceucalion,
Vixée Sardaigna par la Punique fuste,
Après que Libra prend son Phaëton.*

*(2.81 В огне небес град пал, почти сгорев,
Жди из урны угрозу, Девкалионт,
Судам предателя Сардиньи гнев,
Весы потом уведут свой Фазтонт.)*

(Нострадамус 1555 год)

Три тысяча год семьсот девяносто седьмой
Отметят сожженьем бункера-града в хромой
Слепой и глухой толпе огненной зимой.
В глубоком подвале с треснувшей урны на фронт

Поднимет понтифик, избранный Девкалионт,
Последней единой веры пророк. Фазтонт,
Далёкий, как наш взорвавший себя, свой зов
Пошлёт телепатами из созвездья Весов

Избраннику: «Ключ к созвездиям двум: Близнецов
И Рака; Он на Титане. Пока звездолёт,
Как можно быстрее, в апокалипсический год
Подальше от солнца люд навсегда унесёт».

Из урны опасность выбросит радио фон
Мутации ген, чтоб ведал людьми фараон,
Пророка пред тайной сигнала затмит его трон
В полёте к Сатурну, а Фазтонт уведут

Весы, завершит пророк свой немыслимый труд,
А тайна о чтеньи мысли родит уймы смут.
Пророк в атмосферу брошен к Сатурну, как в «ад»,
В метане Гиганта Разума Клетки вживят

Понтифика душу в жизнь у Сверх Мыслей, в Заряд,
Чья память прольётся в плоти Его Дочерей,
А бывшим землянам даст отойти от зверей,
Вплестись им в венки из цивилизаций быстрее.

*2.81 Par feu du ciel la cité presque aduste,
L'urne menace encore Ceucalion,
Vixée Sardaigna par la Punique fuste,
Après que Libra prend son Phaëton.*

*(2.81 Par le feu du ciel, la cité se brûle, car saigne
L'urne qui menace, encore, Deucalion,
Par sa Punique des Vaisseaux, est en Sardaigne,
Plus tard, leur Balance prend son Phaëton)*

(Nostradamus 1555)

Mais trois mille ans passeront et sept cent quatre-vingt-dix sept
De la naissance de Christ, leurs météores brûleront la tête
De la plastique ville en gomme. Sa coupole, sous la Terre sans bête,
Ne défend plus du soleil mais chasse l'homme des sous-sols au front

Contre le fleuve en métal et à l'Ordre de Deucalion.
L'Art des croyances dira pourquoi s'est explosé Phaëton
Entre le Mars et le fluide Jupiter pour donner la chance
Aux mammifères de faire l'homme à la constellation Balance.

Notre élu montrera ses étoiles des Gémeaux, l'urgence
Aux raisonnables perdus leur patrie et leur rêve dernier
Qui attendra l'aide des constellations du Cancer, est lié
À l'illusion sur la Terre, car cette vie est trop éloignée.

L'air sans coupole rompue nous enverra les rayons des nuits,
Les mutations génétiques aimeront sa sociale hernie,
Refuseront le prophète au pouvoir du menteur fourni.
Et soutiendront leur tyran qui voudra voler au Saturne.

La Providence prédit le destin de son être diurne
Sur le Titan, où ce culte devra tomber dans son urne,
Lorsque la constellation de Balance brûlait le Phaëton pour nous,
Dieu a prévu que, parfois, l'homme devait être à genoux.

L'imperfection des pécheurs tomberait avec l'ordre mou,
Si nos stupides jetaient cette prophétie, par les animaux
Dans l'atmosphère du Saturne. La constellation Gémeaux,
Fait la lecture des pensées provoquer nombreuses guerres sans mot.

*2. 91 Soleil levant un grand feu l'on verra
Bruit et clarté vers Aquilon tendant:
Dedans le rond mort et cris l'on orra
Par glaive, feu, faim, mort et attendant.*

*(2. 91 Взшедшего солнца огниво-лик,
Шум и свет ясный к полярной звезде,
Внутри цилиндра мор, и слышан крик:
Война, в огне голод да смерть везде.)*

(Нострадамус 1555 год)

Зверей с растениями: по паре
Забрал при солнечном пожаре,
Землян последний звездолёт,
Взлететь к Сатурну!... У колец
На станции в огромном шаре,
В трудах, подряд который год,
Со всей Земли принять народ
Готовились, вот наконец,
На Землю прислан был гонец
При горе, умерших без славы,
В разбитый бункер возле лавы
Из недр и, лившейся с небес,
А цели не изменены,
История меняет главы,
А жизни дух давно исчез,
Где роль ума теряла вес.
И власти мудрой сочтены
Дни до удара со спины,
В полёте тяжесть фараона:
Появится из тьмы персона,
Решившая, что может взять
Над людом телепата власть,
Сверкнёт лжезнания корона
И думы всех начнёт читать
Покинувших планету мать,
Вот словно ад разверзнет пасть,
Все ведь должны пред ним ниц пасть.
И станет станция тюрьмою,
Слепою массою немую,
А краткий деспотии срок,
Звериной, низменной, земной
Был предрешён ею самою,

Сатурну брошенный пророк,
Взят атмосферой, ей в урок,
По памяти творца одной
Взбешён Сатурн властей виной,
Не понятой им глубиной.

*2. 91 Soleil levant un grand feu l'on verra
Bruit et clarté vers Aquilon tendant:
Dedans le rond mort et cris l'on orra
Par glaive, feu, faim, mort et attendant.*

*(2. 91 Le soleil qui lève un grand feu, l'on verra
Le bruit et la clarté vers Aquilon tendent:
Dans le rond mort et les cris l'on aura
Par leur glaive, feu, faim et mort ils attendent."*

(Nostradamus 1555)

Vers l'incendie dernier, les ventres
De nos vaisseaux cosmiques veulent prendre
Nos plantes et nos animaux.
L'invite Saturne au Titan,
Fait une station, car sait comprendre
L'homme qui décrit, par les forts mots,
Qu'il a sauvé tous les rameaux
De notre vie chère qui l'attend.
La Terre cache ses bateaux étant
Dans une trémie qui est l'armoire
Sous une montagne. Partout, sans gloire,
Sous ces feux morts il n'y a nul ciel.
Sa lave détruit l'esprit rompu.
Mais nous supprime toutes les mémoires.
L'espoir, comme le passé partiel,
S'oublie sous notre poids mutuel.
Mais les cerveaux perdirent leurs rues
Derrière nos dos. Le mal a pu
Dicter le culte d'une personne.
Et sa télépathie couronne
Le règne qui semble absolu.
Dans ces vaisseaux, leurs gens quittaient
La Terre brûlée. Et par le trône,
Toutes les pensées humaines sont lues
Et la fusée vole dans leur flux!
Mais, à genoux, l'humanité
Aveugle ne peut plus goûter
Notre beauté d'indépendance.
Il est Dieu, notre Providence.
L'homme imparfait endure son tort
Du temps bref de la dictature.
Mais le Titan cesse son échéance.

Ce grand voyage finit, la mort
Arrive au dictateur, son corps
Descend dans l'atmosphère du pur
Géant Saturne en dehors
De leurs souffrances, hors des murs.

*2. 95 Les lieux peuplez seront inhabitables,
Pour chans avoir grande division:
Règnes livrez à prudens incapables,
Lors les grands frères mort et dissention.*

*(2. 95 Необитаемы места родства,
За песню могучих – делить,
Без осторожности – свобод царства,
Старшим Братьям за то горе пить.)*

(Нострадамус 1555 год)

В первых токах атмосферы жизнь ума воссоздана,
Сразу в разуме Сатурна мерится землян вина.
К ним, как в прошлом с Атлантиды станция, подключена
К магнетической защите от частиц распадов дна.

Клетки газов многогранно переносят в жидкий ум
Из последнего пророка – память у потока дум,
Он рисует мысли: «Люд наш подчиняют генам двум,
Кто без зла вернётся к зверю, кто к безгрешным, как Аум».

Те, вторые, по слиянью в Макроразум – отдадут
Силы мудрых душ! Не нужен им, как пряник, часто кнут!
А из первых? Те, теряя смысл жизни, разорвут
Знавших, что овладевает ими голод диких смут.

Старший брат Сатурн признался, что животные, пока
В подсознании мутанты, жить не мыслят без врага.
Горько мыслью молвил Богу: «Лжёт Юпитер, берега
Двух созвездий не закрой им ты на длинные века».

Миг, все обо всём всё знают, как недавно фараон,
На него Сатурн срывает гнев на люд со всех сторон,
Не физически растерзан созерцатель похорон
Власти собственной звериной! Без ума слепца загон!

Одичалых и единых свет подёлит навсегда,
На порядки лет венчают их – атлантов города
У Сатурна, где те жили. Вот сошла из них беда
Падали, что причинила б старшим множество вреда.

Люди мир нутра меняют по слиянию в одно
У гармонии Вселенной на галактики звено,
Никогда, чтоб новым душам не казалось сверх темно,
Что Господь повелевает, то чтоб было суждено.

*2. 95 Les lieux peuplez seront inhabitables,
Pour chans avoir grande division:
Règnes livrez à prudens incapables,
Lors les grands frères mort et dissention.*

*(2. 95 Les lieux peuplés seront inhabitables,
Pour chanter leur grande division:
Livre les Règnes aux prudences incapables,
Mort des grands frères par la dissension.)*

(Nostradamus 1555)

L'âme de vie prolonge l'être, fait changer l'air d'atmosphère
Du Titan... Saturne crée l'homme qui a laissé la Terre!
Les nouveaux concepts nous montrent la station particulière,
Où dans le passé, sans diable les Atlantes s'en sauvèrent.

Le cerveau de cette planète envoie vite, aux cellules en fluide,
La mémoire et la conscience du dernier prophète... Nous guide
Vers l'ère qui nous débarrasse de chaque émotion hybride
D'animal. Sans mal, nos sciences des hommes et nos arts sont vides.

Les individus s'unissent dans leur claire macro intellect
Qui n'a pas besoin des prix comme des punitions d'affect..
Sans raison, l'autre plupart a peur et veut tuer tous ses mecs
De la pure télépathie, prévision antique des grecs.

Et Saturne raisonnable, croit que son homme animal
Ne vit pas sans ennemi, car son but n'est pas sans mal.
Il prie Dieu que Jupiter ne nous ferme pas l'étoile,
Pour l'obscur Titan afin de nous voler, où Dieu dévoile.

Tous lisent les pensées des autres et transforment leur acteur
Dans ce sacrifice de torts responsable de l'erreur.
Dont ses funérailles déversent le pardon par les rêveurs
Qui brûlent le pouvoir du trône et cessent d'être les pécheurs.

Cette nouvelle lumière sépare dure les gens purs et leurs sauvages,
Que pendant certaines années, le Titan fasse le passage
Des hommes de conflits aux Êtres Raisonables sans ombrage,
Aux constellations de l'autre galaxie, fixe leur voyage.

Les hommes modifient leur monde intérieur pour faire l'union,
L'harmonie prend l'Univers galactique dans les chaînons,
Absolu permet aux âmes de sentir les prévisions
Et sa providence brame que, de Dieu, nous l'obtenions.

Предопределённость наших врат и другой закон

Бог – это ВСЕ измерения, // ВСЕ знаки материи,
Звёзды, планеты, сплетенья // пространств там, где звери, и
С разумом разным – творенья, // Бог в каждой вере, и
В сгустках энергий рожденья. // Не культ лицемерия!

Маленький грешный философ, // я до рассуждения
Мчусь в вихре бездны вопросов, // из их отражения
Вижу три жречества... – остров, // где тьме поклонения,
Образный хлеб давних слов чёрств, // как смертных тел тления.

Верам готовят паденья // в слепых догмах древности,
Клятвой для «самоспасенья», // мгле с идолом в верности!
Ложь их – над Богом глумленья! // А бред шестидневности
Господом света творенья // – как адский горб вредности.

Мол, от того, что не знали // кхудии Вселенную,
А поклоняться им стали, // ведя веру брешную
К адамоевству! Изгнали // науку нетленную,
Аду и космос продали // за куплю «бесценную».

Бога низводит до точки // Земли, как животные,
Не полу люд ли?! Верь в строчки // трёх книжек – угодные
Дьяволу! С порохом в бочки, // иль век назад в модные
Шляпы, кафтаны, сорочки, // безумья народные.

Выкрал Мошэ о едином // творце мироздания
Правду. С ней стал господином // проклятья изгнания.
Истину простолюдинам // всё ж дал для слияния
С Богом, в Египте хранимым, // жрецов обрезания.

Бог промолчал! Как Платону // не дал откровения
Вору бежавшему к трону, // чей культ ради культа брожения.
Тот, кто открыл Божью крону // от обожествления
Лично себя, по закону, // далёк от зажжения

Бога в себе, он Сократу // отдал голос-искренность.
Вёл и Мошэ жить к закату // судьбы на безлиственность
Новой отчизны. К возврату // двух тысяч лет в истинность,
К мифу на лжи да распаду // к «Тебе, Мышь» 1, за численность.

1 К тебе –(алах) Акбар (Мышь) – на иврите

Providence de notre Porte et l'autre ordre

Dieu crée toutes nos dimensions, par leurs seins des matières cosmiques.
Comme aux étoiles, aux planètes donne Ses vies dans l'espace physique.
Leurs raisonnables envoient, à Dieu, leurs prières symboliques.
Chaque énergie naît divine, car passe sans cauchemar diabolique.

Mais je suis un philosophe des pécheurs, sans raison d'action.
L'on trouve l'abîme des questions sous la règle des traditions.
L'île de leurs cultes paraît. L'heure obscure rêve des répressions.
Son pain rassis perd ces phrases des mortels, par les combustions.

L'homme trouve la tombe des Fois par leurs dogmes au Moyen Âge.
Et ses serments ne sauvent pas. Pour leur fidélité en rage,
Griffent, contre Dieu, le mensonge, la foudre des maux images,
Que, par six jours, Dieu forma l'Univers, pour nos grands dommages.

Le paganisme hébreu n'a pas pu savoir l'Univers,
Car ses légendes enlèvent nos poètes classiques, par les vers,
À son Adam, l'on rejette toutes les sciences par leurs enfers
Des relations médiévales, où descend l'obscur âme dernière.

Les juifs limitent Absolu par les ombres grises sur la Terre.
Leurs sous-hommes croient en trois livres, en trois religions sévères,
De cette façon de leur diable, "daignent" l'explosion des chimères,
Car leurs symboles vêtements vivent pour nos folies populaires.

La connaissance d'Égypte, la vole Moïse non sur Sion.
Ce roi hébreu manifeste l'exil des malédictions,
Car il a dit à son peuple que l'homme pur vit pour l'union
Libre avec Dieu comme Ra égyptien des circoncisions.

Dieu ne lui ouvre nulle révélation vraie comme à Platon,
Ne soutient nulle phrase des voleurs d'idées hors leurs trônes.
Qui connaît bien Absolu, n'était adoré par personne
Et, comme Socrate, ne se divinise pas, s'oppose aux couronnes.

Qui entend Dieu en soi, pour les gens trouve ses sincérités.
L'on conduit le mensonge de Moïse vers la fidélité
Trop fanatique aux récits bizarres contre nos vérités.
Ce mythe 1 stupide du menteur cultiva notre mutité.

1 «Chez toi, oh Souris - alàkh akbàr» en hébreu

Бог, ты всё ж добрый, в молитве // всем трём отвечающий,
К миру, не к адовой битве, // обман тот карающий.
Коль, Бог, припрёшь, лгун молчит, ведь // он – культ защищающий –
С порохом бочки, ад в ритме, // за «Мышь» разрывающий.

А ни слова при общеньи, // коль мысль, телепатия,
Если нет рук для крещенья, // а ног – для распятия
Так же грехов, где мышленья // – иные понятия,
Им от вер трёх отлученья, // из «рая» проклятия.

«Раю», где только земляне, // «раёк» дал хоть деспот сам,
Чужды инопланетяне // пусть святые, мест те там,
Знай, не найдут, как христиане // понять как тем крест? Вот срам!!!
Лучше враги мусульмане, // ну иль иудеи нам.

Верю, рождён Сын Марии // от Духа Спасителем,
Он же воскрес от зари и // стал освободителем
Варваров! В теле умри! И // взлети победителем
Мглы той поры, не твори и // сам зло разрушителем.

Божьих Сынов бесконечность // как цивилизаций и
Разных форм жизни, где млечность // сквозь реинкарнации
Двигается к Господу в вечность, // и как не стараться, им
Богом не быть! Быстротечность // времён просит сдаться, и,

Вот, ты смиришься, при встрече // Бог дарит прощение,
Где Он, не может быть речи // о формах крещения,
Дикость – при лампочках свечи // с ним меркнет, как рвение
К идолу! Путь наш далече, // тогда Бог – спасение.

Dieu est l'Amour, Il répond aux chansons et invite la Foi
Vers la paix, non à la guerre infernale opposée aux lois.
Dieu nous dévoile que beaucoup de "prophètes" mentent pour les droits
Des religions, vont "Chez toi, oh Souris" (1) en hébreu des rois.

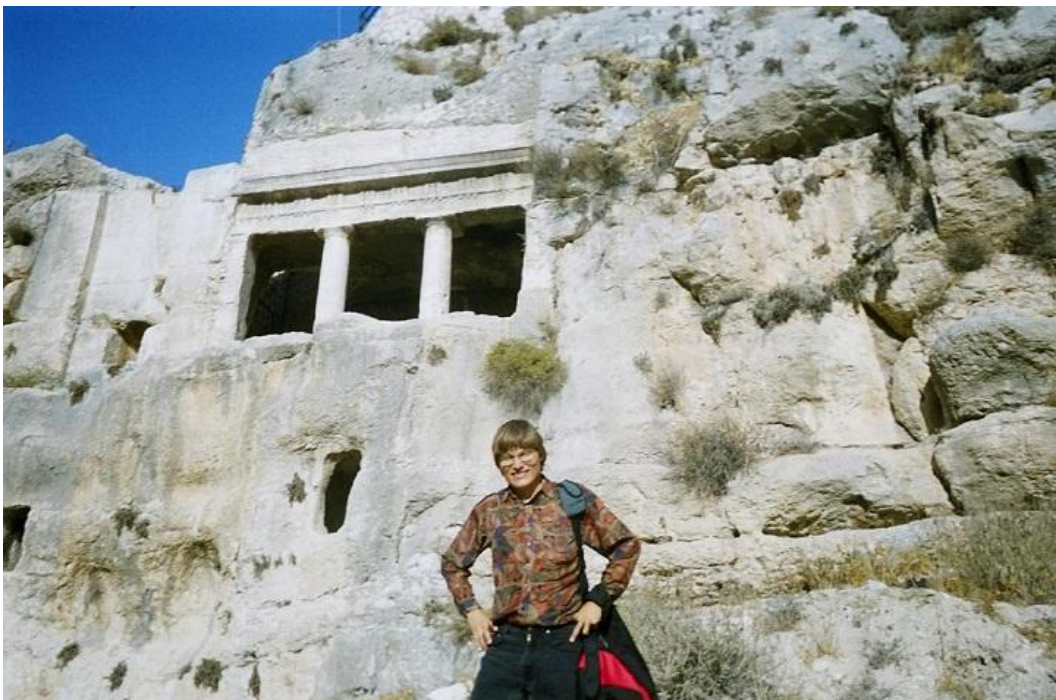
Les télépathes chassent nos mots des parfaites communications.
Qui n'a ni bras, ni pied pour avoir notre crucifixion,
N'a aucune chance sur les paradis faux sans nos notions?
Pour la lecture des idées, le maudissent nos trois religions,

Toutes les croyances aveugles (des juifs musulmans chrétiens)
S'opposent aux saintes âmes des autres planètes, mais rejettent leur Bien.
L'extraterrestre raison n'a nulle croix et chaque clair chemin
Sans leurs mémoires n'est jamais raisonnable et ne coûte rien?

Crois que le fils de Marie est né du Saint Esprit Sauveur,
Se lève sa Résurrection. Par celle, Il devient le vainqueur,
Du temps obscur, il allait aux hommes par le libérateur
Des gros barbares. Pour eux, Christ nous explique ce trésor des peurs.

La quantité infinie des divins fils l'a l'Univers,
Montre leurs buts aux civilisations cosmiques à travers
Nos multiformes qui veulent s'approcher d'Absolu pour faire
Ses harmonies très partielles, où naissent leurs mêmes fils divers.

L'ordre vitesse de leurs temps fait céder aux réels rapports,
Mais la folie divinise nos stupides traditions des corps.
Et les bougies s'obscurcissent sous les lampes. Chaque temple, hors
De nos symboles, est l'idole. Dieu excuse, malgré nos mots morts.

За рать карать

Обласкан кто Фортун огнём,
Тому талант, как свечи днём,
К чему за Музу спины гнём,
НЁстихотвОрцы?!
Как пред Царьградом, ныне - пнём,
Иконоборцы.

Кто пишет: "Кошка проспала,
Торчит портфель из-под стола",
Того за круг слов без угла
Славой распёрло!
У культов глотка не мала?
Давится горло.

Из русла вылилась река,
Традиции кишка тонка,
Пусть чаще зря намнут бока
Новым поэтам.
Признать? Ищите дурака,
Верьте кометам.

Майкл Джексон не "научит петь"
Романтику - не пасть под плеть.
Ещё, раб, чтоб брэнчала медь,
Водкой напьётся,
Плебею лучше смерть, чем впредь
Пить из колодца.

Чего лил кровь царь, третий Лев?
Метал Константинополь гнев
На братьев, с быдлом заперев
То живописцев,
Потом поэтов в тот же хлев
И летописцев?

Враг с императором друзьях,
А два завистника в зятях,
Слог плачет бедностью в лаптях:
"За то, что плеть я
Знал, знай ислам в монастырях
Через столетья."

Кто признан, славой гонит рать
На тех, кого должны карать
За наготу, но сам в чём мать
Жизнь подарила,
"Король раздет", - кто смел роптать,
Гол, как горилла.

Pénal du mal

Qui a Fortune, le feu d'amour,
Son bon est la bougie en jour,
En vain, nous attendons ta cour,
 Muse, tu nous donnes
La souche de Rome en Grèce, ton mur
 Contre l'icône.

Le reconnu rédige: «Dormait
Le chat aux pieds» et n'a jamais
Écrit pendant sa vie, aimez
 L'ordre des gloires.
Ce culte engraisse et fait charmer
 Ce goût non rare.

La tradition est l'intestin
Qui, comme le fleuve, mange nos destins,
Et bat, pour le malheur, le bien
 Des strophes en fêtes.
Vive leur reconnaissance des chiens
 Comme des comètes!

L'ivrogne ne boit jamais le thé,
On interdit de répéter
L'art romantique de la beauté.
 Mais tinte le cuivre,
On lutte contre l'éternité
 Pour ne pas vivre.

Léon Trois verse le sang, Byzance,
Tu tues nos frères par leur puissance,
Et tu es contre les balances
 Entre les peintres.
Mais ton pouvoir, repousse l'urgence,
 L'ordre pour teindre.

Tes ennemis deviennent les gendres
De l'empereur qui perd ses tendres
Cortèges. Les Turques ne veulent pas rendre
 Tes dates précises,
Partout, l'islam fera s'entendre
 Dans tes églises.

Chaque populaire nous a fermés
Les âmes ouvertes, gardait l'armée
Que ses reconnaissances brumées
 Cachent notre absence
De nulle «robe» bien illuminée
 Par l'indulgence.

Царя Руси, хомелион,
Лобзай за горбачёвский трон,
Когда над царством тот, вагон
Роз кинь под ноги.
Без власти Мишку в шею, вон,
Мы - люд, не боги.

Представим, вдруг Бог не Христос,
Зажмём от ран вонючих нос,
А пот запутанных волос
С рванью в охапке?
От окровавленных полос –
След-грязь на тряпке

Два сруба та щит раб, на стыд
Упал, за слабость так избит,
Что караульных застошнит:
"Как дурак сдохнет?" -
- "Крест на-крест к доскам он прибит,
Воду_дай?","Ох,_нет,
Пусть с желчью уксуса глотнёт,
Приблизит смерть сожжённый рот,
Срёт с кровью у "царя" живот,
Как все, с распятыя,
"За что, отец? - разок вздохнёт, -
Люди же братья?!"
А самый жалкий, кровь и вонь,
Спасает, чтоб не съел огонь,
Рим, не солдат вопит: "Не тронь
Крест, у!..., безбожность", -
Забыл прощённый, чья ладонь
Жжёт за ничтожность?
Но коли все опять решат,
Что не Христос преграда в ад,
Ему пошлют все во сто крат
Громче проклятыя
За то, в чём сам он виноват,
Мало распятыя.
А вспомним, Бродский сколь был мал,
Выл стих у кассы в кинозал,
На дурня каждый показал,
Коль бы не гири
Войны холодной без начал
В каверзном мире.
Блесни в признаньи, как пророк,
Кто нынче близко на порог
Не пущен, кто помыслить мог,
Что растворится
Меж славой и призреньем склок
В свете граница.

L'Aime chaque roi russe, caméléon,
Pour Gorbatchov, embrasse son trône,
Il y a Son Règne, nous lui jetons
Les fleurs aux jambes!
Sans ce pouvoir, détruit son don,
Chasse de sa rampe.

Figure que Christ n'est pas comme Dieu,
Se bouche le nez, méprisent les yeux
Et les blessures trempent ses cheveux,
La sueur répugne,
Son sang nous semble contagieux
Sur ses loques brunes.

L'esclave soulève deux planches en vain,
Tombe, est battu par ses gardiens,
Donne la nausée de voir son bien.
Crève, Dieu stupide,
Cloué aux bois a soif du grain
Dans les cœurs vides.
Que Christ avale le fiel vinaigre,
Sa bouche brûlée approche du Maigre
Prophète Divin, cette mort intègre
L'être des frères
Dans l'Absolu, pour son allègre
Fils sur la Terre.
Sur la Croix merde Ce Piteux,
Et sa puanteur nous sauve du feu,
Que la Rome crie: «Ne touche pas mieux
La Croix, impie!»
Tels excusés deviennent ses preux
Par leur graphie.
Si l'on pensait encore comme hier:
«Christ ne sauve plus l'homme de l'enfer!»
On enverrait à Dieu les vers
Plaints de l'offense:
«Ta Croix-Peine est bonne en hiver
Sans tes défenses!!!»
Rappelle, Brodsky, comme en misère,
Était malade mental, en guerre
Froide, y lisait en pires manières
Ses chants aux bêtes,
Et nos bourreaux l'intitulèrent
Le grand poète.
Brille, en reconnaissance, orgueil
Qui n'était pas permis au seuil,
Car ne pouvait plus croire qu'on veuille
Voir ses poèmes
Laurés par la couronne des feuilles
Des Forces Suprêmes.

Украм Томас?

*Oh María,
Luz del día
Tú me guía
Todavía.*

(Johan Ruýs,
arçipreste de Hita)

*Ох, Мария,
Луч, в святые
Дни веди, и
Знай, не ты, я.*

(Хоан Руис,
Архиепископ Итский)

За Бандеру
Чти химеру.
Штатов сэру,
Люциферу
Предков скрижали,
Древность-веру
Укры продали.

Честь задета
Без ответа,
Песнь не спета
Без куплета,
Горе Царьграда,
С минарета
Сильным отрада.

Кто богаты,
Не распяты,
Злы, рогаты,
Бьют в набаты:
Русский, жди козни,
Аль дебаты:
К поиску розни.

Ставься, галка,
Русь не жалко,
Укры – палка,
Зажигалка
Горя да ссоры!...
Киев – свалка,
Символы – воры,

À l'Ukraine notre Patriarchie?

*Oh María,
Luz del día
Tú me guía
Todavía.*

(Johan Ruys,
arçipreste de Hita)

*Marie, pure,
Ciel du jour,
Amènes, Sûre,
À l'amour.*

(Jean Ruis,
archiprêtre de Hite)

L'âme d'Hitler
Lucifer
Plaît, Chimère,
Pour Bandère.
Ses fenêtres
Cachent la guerre
Des ancêtres.

Qui nous tue,
Est perdu,
A rendu
L'or cher du
Sang et crie que
T'a vendu
L'Amérique.

Vive le chien
Ukrainien,
Vents ses mains
Aux gardiens
De Sire, contre
Le chemin
À ses ordres.

Mais cette bête
Perd sa tête.
Par la fête
Des conquêtes,
Tire la Byzance.
Elle rejette
Sa tolérance:

Взвой, параша –
Денег стража
Пусть не наша,
Презик – лажа!...
У олигарха
Злата кража
Для патриарха.

Матьєр градов,
Лавры ладов,
Алчных гадов
Чтит у адов
Запада бесов,
Униатов
Звон интересов.

Константина
Град скотина
Топчет. Сына
Храмы – мина
Турку вручала,
Не едино
Цёрквей начало.

Ипподрома
Нет... Весома
Гниль!.. Истома
Тут знакома
С волей из Рима,
Жадность гнома
Нé-одолима?

«Cependant,
Frère gourmand
Russe, attends
Ton fin lent.
L'antagonisme
À tes gens
Aime ce fascisme. »

Monde Entier,
Sans pitié,
Amitié
En moitié,
Kiev décharge,
Lui mentiez,
Ses places larges.

Président
Pipe, géant
Très urgent,
En bougeant
Par ses marches,
Vole l'argent
Au patriarche.

Mère des villes,
Laure des styles,
Donne ta file
Au péril
Bien probable.
L'homme fragile
Voit ton diable.

Au destin
Des chrétiens,
Constantin
Trouve le lien
Au futur de Byzance,
La Rome sienne
En croyance.

Hippodrome,
Car ta Rome
Perd son nom,
Les sous-hommes
Veulent disparaître.
Lors nous sommes
Sous leurs Maîtres.

Contra todas las três Romas
Tú, América, nos “tomas”
Para que ya nunca comas
Dos iglesias palomas.

Ты, Нью-Йорк, в трёх разных Римах
Томас хвать на пилигримах:
Уж не жрать нас, побратимых,
Двух церквей голубок, чтимых.

Строфы на русском и итальянском языках:

Contre toutes trois Romes en charge
Amérique, tu “prends” et changes
Nos concepts, car tu nous manges,
Deux églises colombes anges.

Contra todas las três Romas
Tú, América, nos “tomas”
Para que ya nunca comas
Dos iglesias palomas.

Strofe in russo e in italiano:

Средь забвений река

Светившим в тёмные века
«Мистурион ксенос орó кэ парадзоксон»
«Я таинство чуждое зрил и невероятное»
Во времени Страшных, когда в Риме мёртв закон,
Дона Аратора' слово зажглось сокровенное.
Ругайте его, классицизма историки,

«De áctibus apostolórum» [«Дэ áктибус апостолёрум»] — создателя
«Апостольского деяния» на риторике —
У варвара, что волка уха ласкателя.

Эннóдия' ритор, душо́ю в Вергилии',
Знав и Амвросия', послем в Византии' жил
Из библии óбразы клал в слог идиллии,
Слыв как предте́ча ослепляющих разум сил.

К герóикам греков?! — К закатам в безумии
Лукре́ция Ка́ра' грех с ересью гения.
Античные Мúзы' — засохшие мумии,
Чаруют их лишь у святейших видения.

А гасшие звёзды ведь уж не Горацием',
К подобиям Константино́поля' рвением
Умели, ведя к христианским овациям,
Душителей желчных унять песнопением.

По óбразам наивсевышней Вселенною
Меняется иск, неусмиримая силища
К спасенью с надеждою всепроникновённою,
Чем мы у вер ума аль безумья кормилища.

России дичать у похожей трагедии,
Своих свет поэтов преда́вшей забвению,
Уж забывшей и о византийском наследии
Да о греко-римских греха́х к вразумению:

Ей Но́нна Понаполита́нского' панцири
У истин закроют в двояком воззвании
Уродство сказочно в тюрьме-дворце-карцере,
О, нищих клад во вселённом признании.

О мрак, что есть свет, Земля, о шар-загон,
Для нас, людей, всякое тут совершенное,
Византии' в веке восьмом, где вся жизнь, как сон,
Маюмский Косма́' в люд сказал многомерное
Светившим в тёмные века:
«Мистурион ксенос орó кэ парадзоксон»
«Я таинство чуждое зрил и невероятное».

O Fiume grigio fra le dimenticanze

Splendenti per i tetri secoli-stanze:
«Mistirion ksènos orò ke paràdzoson» -
«Guardai il mistero diverso imperscrutabile».
In Roma allora gli ordini morti son.
Brillò Don Aràtor dal verbo del sacro spiegabile.
Perché criticò ieri la chiara Cronica storica

"De actibus Apostolorum", che è il fiore di lui?
E leggeva "Degli Apostoli" sulla retorica
Il Barbaro Lupo che n'era l'ascoltatore, costui.

L'allievo d'Ennodio tendeva, nel cuore, Virgilio,
A Costantinopoli l'ambasciatore cattolico
Stendeva la Bibbia per la santità sull'idillio;
L'immagine accecherà dall'essere apostolico.

Ai pazzi tramonti? O alle leggende eroiche
Lucrezio Caro, sarai l'eresia del genio?
Le Muse divennero le secche mummie diaboliche,
Così suscita il racconto del Santo Regno.

Le stelle poetiche, smorte già senza Orazio,
Le coppie di Costantinopoli dal desiderio
Vi fanno condurre le navi su - dallo stazio
Del male perché esse placano dai canti veri o

Dai simboli dell'Universo Supremo cantabile.
La busca alterna i tempi del sogno specifico,
La nuova speranza, ovunque, sarà penetrabile,
Il cibo del folle o dell' intelletto magnifico.

La Russia selvaggia verrà alla stessa tragedia,
Tradita il lume dei suoi poeti, dimentica
Le eredità bizantine con la Regia Media
E la comprensione dell'antichità autentica.

Carrozze del Santo Dionigi, chiudete lo spazio,
Il vario appello di Nonno d' Egitto vi copia
Il carcere della bruttura fiabesca, palazzo
Tesoro dei poveri e conoscenza doppia.

Se l'oscurità e la luce - al Globo l'arte son,
Ognuno all'uomo è la perfezione probabile,
Nel settimo secolo quando la vita era il suon
Cantò da Maiuma Cosma a noi incommensurabile:
Splendenti negli scuri secoli-stanze,
«Mistirion ksènos orò ke paràdzoson»
«Guardai il mistero diverso imperscrutabile».

*Sérus ín caelúm redeás diúque
láetus íntersís populó Quiríni,
néve té nostrís vitíís iníquum
ócior áura*

*tóllat; híc magnós potiús triúmphos
híc amés dicí pater átque prínceps
néu1 sinás Medós equitár' inúltos
té duce, Cáesar!*

(Quíntus Horátius Fláccus: ex «Triúmphus»)

*Позже к небесám взвейся: стать уж вечным,
чуждо живший средь римского народа,
скóрбью не тобой при сверженьи власти
блажь к сомненью*

*веет; воля — то к высшему триúmфу,
с жезлом царствуй, о отче, вновь как первый,
не достáв мидян* в скачках неотмщённо,
свыше правь, Цéзарь!*

(Квинт Горáций Флакк: из «Триúmфа»)

Москва – третий Рим

«Мифы — красноречие последнего века республики...» — Цицерон.
Войны из-за распрей граждан! Консулам власть! Сенат игрой изнемождён.
В Риме крах могучим умам! Демонов жаждешь, чернь: с небес сильный закон,
Зла козни в величии времени вещим сном страны — Армагеддóн.

Форум*, лик свободы нравов, Первого примешь ты! Всё ему мы простим:
Голод, мор! О Цезарь, авве! Злобнейший глянет взор, он позор нам! Под ним
Смелость, канешь к страху в вечность, в ужасе чтобы ниц пал к ногам его Рим!
Спой, Гораций*, о триумфе! Царствию Первый средь равных — необходим!

Глас Венеры молвит ветру: «Сумерки правды, как зреть Рима семь холмов?»
Шум баталий, сдастся мирно Аквиум, Курион, Марцэл примкнут без слов.
На юг войско Цезарь бросит, западу смертью бой царь даст, о кровь рабов,
О потомок, вспыхнет к краху дерзкого звезда-намёк, как блеск оков.

*Sérus ín caelúm redeás diúque
láetus íntersís populó Quiríni,
néve té nostrís vitiís iníquum
ócior áura*

*tóllat; híc magnós potiús triúmphos
híc amés dicí pater átque prínceps
néu¹ sínás Medós equitár' inúltos
té duce, Cáesar!*

(Quintus Horatius Flaccus: ex «Triumphus»)

*Dopo salirai // all'eterno cielo,
uomo altro, che // dai romani viri,
vai al vizio, la// gente sa il tuo
spirito forte*

*più veloce ti // vale il trionfo,
con la lancia o, // padre anche primo,
per la Persia tu // non stai vendicando,
Cesare regna!*

(Quinto Orazio Flacco: dal «Trionfo»)

È la terza Roma

«I miti sono la retorica dell'ultimo secolo della repubblica», disse Cicerone,
O paura dei consoli, guerra fra i cittadini! Perché il senato aspetta le corone;
La libertà di Roma scompare! Ma la plebe ha sete dei Demoni alla caduta ribellione,
Il male implica il simbolo al tempo. Il sogno profetico mostrerà che l'Armageddòn'è

Il Foro con gli schiavi poveri che alza il Grande! Gli attribuiamo le glorie solari.
La fama cresce! Ave Cesare! Lo sguardo spaventa la viva età sottoposta magari
All'audace, ci perdiamo nell'eternità del passato, e gli ultimi sostengono i loro affari,
Tu canta del suo trionfo, sai, Orazio, è necessario, al Regno, il Primo fra i pari!

Venere con la sua voce pregherà: «O tramonto della verità! Fra sette vince un colle!»
La pace condurrà il Lazio; e aiuteranno Marcello e poi Curiòn senza parole
E al Sud getterà il Giulio l'esercito, con l'Occidente combattere Cesare vuole.
O successore, alla morte di lui non coronato lo accede, alle catene, il nuovo sole.

(Traduzione dal latino in italiano di Alexander Kiriyaatskiy) 1 eu—[ev]

* * *

В древность предвидевший беды то пишет, но вóвсе не я.
За все ошибки республика платит её сжирающей короне огня,
В самодержавье идёт без рассудка из-за отчаянья, культ в память гоня,
Кровью у деспотов алчность готова над ней расправой насытить, гния,
Жажду приблизиться к звёздам — проклятью избранного толпой на трон в свете дня.

Струсит сенат, разбежится от патриотов, носителей хрупких свобод,
Волей рабов с гладиаторами спасителям Рима', не знавшим народ,
Внёс Цицерон' акт признаний дел самодержца да престол низвергших господ,
Стоит сторонникам Цезаря' дерзость молвить, сенату — фатальный исход.

Памяти Цезаря, после убийства зря Цицерон в солдатне дал прочесть
К краху республики — завещанье цезарианское, творил Бруту месть,
Власть оскверняющему чернь купившего, что забыть заставил: «Царь кто есть!»
Смертью, побоями с униженьями насаждай, Гай, вселенски лесть.

Плебс же сестерциев триста, писалось там, лишь царя восхвалив, мог получить,
С ними сады, дар от Рима, божественным именуя Га́я, брав неба нить
Слов из веков, видно, чуял коварнейший, как скакала смерть к нему во всю прыть,
Мудро предвидел последствия Юлий: он знал, чем чёрни лихо глаз ослепить.

Труп уж на Фóруме в греческом культе, обожествляя личность, с жертвой сожгли,
Ма́рия' внук, Герофил', призывал там чернь к отмщенью, что казалась вдали
От управления городом, восста́ла, словно прежде за Спартакá от земли
Чёрной по-дьявольски, тёмные годы не замечаемой под солнцем в пыли.

Республиканцы бежали от черни: так исчезали то Брут, то Цицерон,
Цезарианцы воззвали к сенату: «К дёмону плéбса бунт зрел со всех сторон!».
За самодержца, но не за тира́на до́блестно вышел бы каждый легион,
Но за призыв к тирании и сам уже Герофил на казнь свыше обречён.

Из Окта́вия, Анто́ния и Лепида в столице Второй триумвират',
Чьи повеленья всесильны, не может сопротивляться уж трéснутый сенат?
Нáчались в Риме репрессии: все друг друга продать за мелочь норовят,
Вот Цицерон обезглавлен, да в Рим его голова́ привезена для наград.

Августом ца́рственным через пятнадцать лет по наследию будь, Октавиан,
Ибо народ захотел жить в бесправьи, пёстуйа самообман.
Нынче российские го́ловы, с плеч слететь чтоб, падут к палачу́ ниц: «Правь, тиран,
Новый наш вождь всех времён да народов в крах холóпских страх стран».

* * *

Non io! predissi i guai dai futuri eventi nascosti nell'eternità.
Per tutti gli sbagli al tempo pagò la repubblica falsa. Dall' antichità
Scappò senza conscio, da cui i monarchi conducono, agli abissi, l'Età.
Il culto dei despoti versa i fiumi di sangue al lago dell'oscurità,
Fra tutti se la moltitudine sceglie le incontrollabili sovranità.

Senato, sei perso, ti sbandi, perché ti svisisce, o ultimi dei salvatori!
Sai la volontà degli schiavi romani, e dei plebei altri, feroci, peggiori.
Però Cicerone pacifica i cittadini, invece i sostenitori
Di Cesare ti vinceranno per far trasformar gli eroi, poi, nei traditori.

Già alla memoria del Gran Ammazzo permette di dir Cicerone, a pena,
Ai poveri del Testamento di Giulio — alla repubblica fa la catena,
A Bruto e Cassio che è la vendita ai profanati, la regia vena.
Umilia tu, re, perché amino, obbliga a bere sempre l'amaro veleno!

È scritto così che trecento sesterzi dovranno ricevere i cesariani
Vicino a Roma i verdi giardini — li danno ai poveri come ai cani
Fedeli nei secoli. Gaio prevede dei perfidi e dei pugnali in mani,
Con le conseguenze che accecheranno la plebe avara sul mare dei danni,

Nel culto ellenico il cui cadavere arse. Ma nell'effusione costretta
Da Mario c'è il «nipote» Gerofilo; chiama il popolo alla vendetta
Il nuovo «Spartaco» — va contro la vecchia repubblica, tra i plebei, maledetta.
Durante le guerre civili sul suolo, in cui dai battuti il sangue si fredda.

I repubblicani scapparono. Scompariranno così Bruto, poi Cicerone.
E i cesariani appellano: «Tu, o senato, se hai le diverse persone
Per la dittatura del Giusto, non per il tiranno, lottasse già ogni legione,
Gerofilo nero conduce per molte tirannidi sporche all'esecuzione. »

Antonio, Lepido anche Ottavio fanno il prossimo triumvirato.
I loro ordini sono sovrani. Tu puoi contraddire, corrotto senato?
Iniziano le prescrizioni, calunnia ognuno all'altro che era fermato.
La testa di Tulio fu consegnata in Roma dal suo amico premiato.

Per il coronato Augusto, divieni da quindici anni, oh Ottaviano.
Il popolo vuole l'assenza di qualche diritto, al culto dei despoti strano.
O mondo, perché tutte le teste cadano giù dalle spalle, di: «Salve Tiranno!
Sei capo di tutti i tempi e dei loro schiavi vissuti la vita invano.»

Сонет Северину Боэцию, творцу да учёному, казни 524 года

Римский папа Григорий Первый через век к слезе восклицал:
«Где теперь наш сенат средь Римлян? В кошмарах Рим Древний пал!».
Взлёт поэта! Ибо Восток воспел вслух Его вассал,
Теодóрих — Боэцию с плеч срубить го́лову приказал:

За восторг столицей Византии. В жутких бывших дворцах —
Римских светил казнь! А мрут на Муз' надежды в чутких сердца́х:
В латинских трудах Боэция — то варвар в средних века́х
Аристóтеля во мраке сумел узнать, держа в руках.

К Теодóриху прёжнему мёртвой рыбы головой
К нашей смертности — Симма́х, творца зять с искренней душой
Над ухóй вознёсся, чтоб скорбно позвать за собой.

Вскоре умер в безумстве Он, Теодóрих, грустно с мольбой.
Две личности... Поэт., с кем полководец — вёщей судьбо́й
Узел страшный сплетает у жизни смертью — грехо́м немой.

Sonetto a Manlio Severio Boezio, al creatore e scienziato dell' esecuzione dal 524

Papa Gregorio Famoso e Magno scriveva dopo un secolo: «Che cosa resta!
Ora di Roma che senza senato dimentica l'era di festa?»
Glorificò, nella voce, l'Oriente - Boezio ucciso dall'abile triste protesta;
Ma Teodorico gridò che troncasse il boia al genio la testa.

Se l'entusiasmo di Costantinopoli era la pena. Già senza paura tu muori,
Manlio, fra le rovine. O Muse, uscì la speranza dai cuori.
Di Aristotele suo, leggeva il barbaro nel manoscritto dell'epoca fuori
Di qualche nesso all'antichità fra gli scuri umani furori.

Era la testa del pesce sul piatto, da cui Teodorico capisce la stretta frontiera
Fra la tormenta vitale e l'agile morte che dà la severa
Pura giustizia del genero di Severino, Simmaco. Per l'anima, che fu sincera,

Lo giustiziarono. Teodorico pentito fa una preghiera.
Poi abbandona lui stesso il mondo orribile, cui il poeta e il condottiero
Intrecceranno il nodo fra l'esser e nulla non morti davvero.

С АВРОПЫ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА

1

Под симфоническую музыку под небом полным звёзд
Помнил уже: иное всё — лишь выясненья отношений,
С чем устремлял я взор к одной из астр, ей я задал вопрос:
Как сложен мир? Откуда вышли судьбы перевоплощений?

Глаз не моргать старался, останавливая строго взгляд,
Космоса тайну я ведал с лет самых малых, пробуждая
То, о чём звёзды повествуют, как и бездну лет назад
Тем, кто стремятся осознать ада стремления и рай.

На четверть неба я представил корабль инопланетян,
Переливавшийся нам на Земле незримыми цветами,
Он опускался в подсознание меня, раба землян
Тех, кто жил жизнь без смысла в хаосе с подобными рабами.

Шар приближался, показалось, что заговорил
Разум без слов, меня боявшийся убить, став материальным,
Ведь он поведает мне через Музу историю мерил
Общих всем ценностей, нас влекущих к понятиям идеальным.

В миг не отмеренный я понял сам, он из потомков тех,
Кто покидали навсегда, став неземными, Атлантиду,
Тысячелетий уж четырнадцать прошло, как сгинул грех
Душ, не признавших побеждаемой Земли слепой обиду

На возжелавших независимыми стать от зла с добром;
И потому Земля изничтожала все воспоминанья
У обращённых в первобытных ею медленно потóm,
Что не оставили планету мать из-за состраданья.

Но претерпевший сверхмутации, напоминавший мне
Контуром тела, рук и ног лишь отдалённо человека,
Бывших атлантов тех — потомок вёл запомнить, как во сне,
Строй красоты, но с пониманья моего лишь зренья века.

Свет закружился, зреть дав то, что не познаю никогда,
Ведал пришелец, мысль его, мной отражённая в сей книге,
Канет в забвение у современников меня, как всех беда
Властью не избранных, а умерших с кармой рабской мотыги.

Видал, как глазом, головой я сотворение миров
Он молвил взором: «Как сумеешь ты людским мышленьем
Стихом напишешь об этом в разнообразиях слогов
В гиблом веке твоём — ушедшим в прошлое стихосложеньем».

SILLABA DALLA MATTINA DEL XXI SECOLO

1

Sotto la musica classica, sotto il cielo di costellazioni
lo rivolgo lo sguardo alla mia stella per molte questioni:
Come nasceva il mondo creandosi tramite le trasformazioni?
Io so che il destino di noi è conflitto delle relazioni.

L'occhio ci fa concepire, fermandoci, un non umano pensiero,
Dalla lontana infanzia ricordo il meraviglioso mistero,
Forse gli astri raccontano agli audaci di quello che era,
Per far capire gli scopi del Più e del meno nel cosmo severo.

Mi figurai una nave dei cosmici, non della terra abitanti.
Chiara splendeva nei nuovi colori fisici sempre viaggianti,
Essa si avvicinava alle incoscienze di schiavi ignoranti,
E non sapremo che aspetterà molte anime immaginanti

Ove la sfera così mi spiegava scendendo la nostra ventura
Ma senza suoni, temeva uccidere me mediante la mia lettura
Dei musicali pensieri venuti da Musa far qualche misura
Dalle visioni astratte che son di ciascuno in sé l'apertura.

Fece capire che leggo l'idea di lui. E il suo antenato
Ha prima, più di quattordici mila di anni fa, abbandonato
La biosfera del nostro pianeta; benché da sé era dannato
All'interno del globo terrestre che odia il suo fatto.

Ma ottenendo d'esser indipendenti dal bene e dal male!
Se sulla terra restavano, — si trasformavano nell'animale —
Senza un grande ostacolo che catturasse poi il materiale:
Solo mediante i tempi distinti è il cambiamento mentale.

La mutazione genetica dei genitori li fece mutanti
Che lasciarono solo i simboli questi figli degli atlanti,
Come nel sogno, tra essi gli esseri nei paragoni giganti
Nello sviluppo son tramite molti passaggi a noi non somiglianti.

Gira la luce, permette di fare la concettuale pittura.
Quel ragionevole sa che il libro che rifletterebbe l'altura
Va alla dimenticanza del secolo cieco che è la sventura
Di sconosciuti perché non hanno bisogno della loro figura.

Come dall'occhio, vedevo dei mondi la nascita nell' esplosione;
L'essere senza parole parlò: «Come puoi, tramite la ragione —
Le metamorfosi porre in versi diversi, la composizione
Va dalla sillaba greca, tu canta del visto in questa canzone.

О ЦЕНТРОБЕЖНОМ МИРОЗДАНИИ

2

Высших форм воплотил Бог иных сил знаки
Для мирóв черт благих вне мер ... Плод тел — рáспри,
Где миг сéй в прошлом уж, что грядёт, то минет,
Скóрости породив, время да пространство.

Не было зла того двадцать пять миллиардов
Лет назад, ни пространств, ни времён, ни света,
Ничего не могло ни летать, ни вращаться,
Никаких расстояний, ни частиц, дна энергий.

Абсолют вывел равного из материй;
Беспредельность в борьбе усмотрел Бог сделать,
Вне добра ничего не могло быть подобным,
Противоположность от того воцарилась.

Бог нейтрино извлёк, грех — антинейтрино,
И схватились они, новых два празнáка,
Чтоб друг к другу нестись, вывели пространства,
Уничтожив свой импульс, никуда не девались:

Как создать путь энергий, чтоб одной стать другою?
А фотоны света с антисветом рождались:
Так одиннадцать измерений раскрылись
Для аннигиляций — провести в бесконечность.

Квáрки ввёл Абсолют в то, что шло для бóя,
С них нейтрóн — божья цель, микромир вселенной,
Ход времён в нём быстрее, чем у нас во сколько
Меньше раз, чем взрыв — враз избранной в развитие.

Мрак нейтрон раздробил на миры из галактик,
Всех их на звёзд систем — разных сфер сраженья,
Грешно рвал до светил и на сор — планеты,
Да планет все шары — на конфликт молекул,

Атомы чтоб разбить уж вплоть до нейтронов,
И опять, к смерти рвать без конца, беспредельно,
Бесконечная дробь даст пронзить бесконечность,
А Господь без границ воссоздаст круг в битвах.

DELLA CREAZIONE UNIVERSALE

2

Fuori meno e Più fece Dio i segni
Immesurabili; sono i mondi degni.
Prima non generò due contraddizioni
Per le velocità non creò dimensioni.

Nulla venti miliardi di anni fa era
Spazi e tempi con luci di qualche sfera.
E quel non riuscì a volar e girare
Senza distanza né punto elementare.

Assoluto accese la forza che pare,
Fa l'opposto a lui che vuole regnare!
Fuori di quello non verrà confermato
Alla divinità, solo l'antibeato.

Nacque da un neutrino un antineutrino
Per influire sul contraddetto cammino;
Alle lotte volar fecero molti spazi,
Poi distruggere e generare le grazie.

Si incontrino la luce con l'antiluca,
Alle conformità l'energia conduce.
Dio fa scoprire undici dimensioni
Con l'eternità dalle annichilazioni.

Dai principi se i quark già nascono verso
I neutroni, le copie dell'Universo.
Lì il tempo sarà più veloce di quanto
Siano più brevi del Neutrone-Gigante.

Separò il meno i sistemi di stelle
Nei pianeti sino agli atomi nelle
Pro galassie che colmano i neutroni
Che faranno e fecero le condizioni

Della fisica che sempre è relativa;
Dio, con essa la logica, costruiva
Per salire all'Unione nuova di Tutto,
Allo scopo infinito di... Assoluto.

3

Зон двух риск войн противоположных сил,
Путь — знакам цельность; пусть электроны — ад,
Протоны Бог объединивший —
Ход в Рай с молекул — сквозь мозг галактик.

Костяк — нейтральность, но без границ в бою
Материй сгустки: веществ простейших до
Живых существ, чтоб быть иль сгинуть
В цепях двояко, им невозможна

Без разрушений сущность развией всех —
Закон миров. Есть право: нарушит коль
Один из властных, второй в миг тот,
Иль погода, развернёт события.

Как время — цикличность, частицы — ток,
Для водорода первый зажжён ион,
Как он и бесконечность после,
Так начались творенья Бога.

Но газ, как плод, из водородных ядер,
По всей вселенной в точки устремился,
Чем больше плотность, тем ясней могучесть,
Волей раскалённой

Празвёздной массы ад закабалая,
Чтоб шли сращенья ядерных конструкций,
Вдали от центра мелочь охлаждал мрак:
То твердь возникла,

С ней пыль веществ вокруг светил металась,
Звёзд крохи, ими отвергнутые, тёрла
И удалялись тверди, что свободней,
Подальше в бездны.

Холодных красных, карликов, гигантов,
Горячих синих, жёлтых средних, вялых,
Не от всех звёзд осколки отрывались
К жизни планет их.

3

Son due zone che fan i segni contraddetti
Che la totalità costruisca gli effetti,
L'inferno vi compone gli elettroni.
Dio crea, agli atomi, i protoni.

Per i neutroni lottano le contraddizioni.
Già nascono così le materializzazioni,
In cui si generavano i concetti
Ad unire e distruggere gli oggetti.

Appare un diritto, tra due, fra le guerre
E una forza entra nelle neutrali sfere.
Può partecipare la contraddetta
Subito e dopo nel gioco che progetta

L'infinità ... e fa la sostanza imperfetta,
I primi atomi, dall'idrogeno la getta
Da cui vince al fine il potere:
All'interno l'energia forte — tenere.

Ai punti aspirava l'Universo,
Il Don parti dal caos nucleare;
La densità fa la grandezza verso
Dal caldo — colmare

Mediante molti centri per le stelle;
L'oscurità raffredda tutto fuori
Dai nuclei più meravigliosi delle
Galassie, fiori.

La polver va attorno agli astri,
Ma stringe i rotondi corpi fissi,
Si allontanano i suoli guasti
Dai chiari abissi,

Dai gialli astri medi, dai giganti,
Dai caldi blu, dai grossi rossi freddi,
Non ogni stella manderà avanti
Futuri pianeti.

4

Бог нутру звёзд
С термоядерных рождений разум дал,
Свет порождает,
Наделил к гармониям стремлением.

Для Чёрных Дыр
Самых раскалённых солнц пестрота
Сверхмысль несла
Метагалактическим вращением.

Сквозь времена
У светил понятия столь высоки,
Что частотá
Ими выбранных частиц мир создаёт,

Как рок планет
С правом на рождения рассудков тех,
Что пусть ничто,
Сравнивать коли с мышлénьем солнечным.

Строгий поток
Звёздами посылаемых малых частиц
Духом времён
Души пестует ликом детей — планет,

Разную жизнь
Претворит искрой из неорганики
Но у одних
В плазмах, у других в телах погибающих,

Чаще всего
У планет гигантских мозг единый, из
Клеток иных,
Как из пульсов организм, мыслей бег.

Жизни нигде
С одинаковыми воплощеньями
Космоса нет,
У планет дар — нейтралитет их зámкнутый.

4

Dio invia alle stelle
La mente termonucleare tra le nascite interne
Per aprir, alle sorelle,
Le armoniose magie non eterne

E tenere, con i pl asmi,
L'alterità in Materia Nera, i cosmici progetti.
Vi conduce, dai fantasmi,
Le galassie agli intelletti.

Se dai tempi dei concetti
Gli astri fanno i destini per le pure vibrazioni,
Scelgono i più perfetti
Per star fra due segni, invasioni.

I pensieri dei pianeti
Ci guadagneranno i consci che non erano che niente
Per produrre gli effetti
Dal cresciuto fisico corrente.

Lì l'ambiente rigoroso,
Formerà, dalle parti più elementari, il consiglio
Delle stelle generoso
Ed educerà ogni macro figlio.

C'è la vita differente,
Il non organico dominio ha i corporei severi
Organismi o, sovente,
I nostri vivi abitanti veri.

Sui pianeti più giganti
La coscienza costruiva le grosse cellule totali
Matematiche varianti.
Proibiranno molti spazi già uguali.

Soprattutto il Più regna
Fra i frutti ragionevoli, per il passo iniziale
Dove l'energia degna
Fa l'Universo, ordine neutrale.

6

Ибо с одиннадцати измерений в семи сочетались
Знания враждебные: минус под Плюсом,
А приблизительной стать отдалённой лишь тенью не в силах,
Предположению строф: как сливались

Меры иные в мирах вне времён, скоростей, расстояний...
Формами древнего слога дерзну я
Жалкой попыткой воспеть Вездесущего метаморфозы
От сотворения мира как образ.

Звёзд прапланеты ничтожные грозди вселенских законов
Движимых метagalactic вобрали,
Временем разных светил чтоб с рождения не повторились
Правила их колебаний иными.

Воображеньям нельзя многосложность планет всех представить,
О их число с временным колебанием!
Что измеримо у нас — однозначно ничто для реалий
Уж никакой другой звёздной системы,

Правом Всевышнего, лет миллиардов под пять назад для
Скорости синей Земли вокруг Солнца
С именем Астра, внутри центробежной галактики нашей,
С метagalactic где-то летящей,

Магмой кипящей, ещё во младенчестве жили планеты,
Ближе их всех плыл Меркурий к светилу,
Следом Венера, Земля, Марс, затем многослойная масса,
Я назову Фаэтонтом создание,

Умершее за мечту. Открывал он, как пастырь, гигантов
После того, как осталось их девять:
Пять крупных строго из газов да четверо твёрдых. Юпитер
Тонко копировал хрупкого брата.

Третьим послушный Сатурн, предвещавший итог Фаэтона.
Местом Уран поменялся с Нептуном —
Пояс камней шёл, в дали их объемлют кометы Аорта,
Как шаром, снизу да сверху — всё солнце.

6

Sette comparvero — da undici dimensioni globali,
Il Più sta sopra il meno diverso.
Ma trasformarsi non possono in forme concettuali
Molti messaggi scientifici verso

Gli altri mondi che son al di fuori di tutti i tempi...
O senza velocità e distanze,
Oserò scrivere le Metamorfosi con gli esempi
Degli antichi poeti o anzi

Con i concetti d'astronomi contemporanei e provo
A disegnare i giovani astri.
Le vibrazioni di ogni futuro pianeta, di nuovo,
Separeranno le leggi... Contrasti

Non sono megagalassie e ove rapì, all'uopo,
L'ordine di qualche altro pianeta —
Al fatto che si ripeta nessuna orbita uovo,
L'infinità è con Dio perfetta.

Se si potesse già immaginare né diversità lì
E concezione dei tempi spaziali:
Ciò che da noi si misura, avrà nessun senso reale
In ogni altro sistema astrale.

Quattro miliardi di anni fa dal ritmo della blu Terra
Alla galassia centrica era
Ciò che bollì, fu dal magma, o sorsi dei nostri pianeti,
Dal sole tra tutti gli intelletti

L'ultimo fece volare e primo Mercurio. E dopo
Venere — Terra con Marte, lo scopo
Del successivo gigante, da noi nominato Fetonte,
Fu con la forza divina la fonte

Della biologica vita, per noi aspettava la morte.
Giove più piccolo e meno forte
Desiderava copiarlo. Là poi l'ubbidiente Saturno
Continuò il gerarchico turno

Ma prevedeva l'abbraccia, la tragica vera scadenza.
La sottoposero in precedenza.
Sostituisce Nettuno il posto d'Urano. Fu senza
Fine il Globo di ghiacci partenza.

7

Абсолют-Господь, ты творишь с материй
Связь из атомов до скоплений высших
Галактических, — разумом межзвёздным —
Тебе подвластных.

В социуме вся, как из неорганик,
Так и из живых, многих форм разумных,
Развивается на планетах, где жизнь, —
Гармоний общность.

Ведь и атомы — противоположность,
Знаков двух союз, что в сраженьях вечно,
Сцеплены, как путь выбора сознаниям
Простых да сложных.

Атомный нейтрон — микромир вселенной,
Бог из Плюса слал ток объединенья,
От молекул тел — звёздные системы —
В пыль у галактик.

А галактики — в хор метаскоплений,
Миллиардами лет светил всех твари
У планет и плазм, разум кто имеют,
Войдут в единство!

В световых годах звёзд, планет, вселенной
В разной скорости вакуум — заполнит
Будущий сверхмозг, цепь цивилизаций
Существ с мышленьем.

Разум обретут новые созвездья,
Неорганик связь, с макросочетаний,
Из огней ядра вплоть до атмосфер их,
Сил смысл приметят.

Не в земных летах, а в световых понятях
Время породит из органик чудо
В одноклеточных, от сцеплений клеток —
Потоки жизни.

7

Dio forma i // mondi materiali
Dagli atomi // sino ai supremi
Intelletti che // son per l'infinita
Chiara memoria.

Sviluppandosi // forse da un seme
Non organico, // nascerà il gioco
Degli esseri // vivi per le forme
Di cosmo varie.

Ma gli atomi // son da due segni,
O contrarietà, // ci fai, dall'enorme
Nesso, scegliere // gli itinerari
E li consegna

Ai neutroni dei // generosi menti...
Le galassie son // polveri stellati:
Dio li guardò // nei meravigliosi
Ammassamenti,

Il cui coro ha // tutto il creato
Senza fine... Ma // dagli armoniosi
Ragionevoli // corpi — invieranno
Alle unioni

Che nei plasmi stan... // Alle sfere scure
Negli astri e // sui pianeti danno,
Al futuro, le // civiltà
Di creature.

Quanto passa la // luce? Son miliardi
D(i) anni, — tanto il // vacuo ai colmati
Ne sarà poi con // le sopra ragioni
Esercitate.

Che acquistino // un comune fiato
Non biologico. // Le generazioni
Son le fiamme dai // nuclei — ai destini
Nell'atmosfera.

La divinità // con la mano guida,
Fa le cellule // d'energia fino
Al miracolo // della prima vera
Magica vita.

8

Не Земля, первой планетой, живые созданы рождавшей,
В солнечной нашей системе, тому лет назад миллиарды,
Матерью стала делившихся клеток. Неорганический
Разум гигантского спутника Астры творил собой жизнь.

Больше Юпитера массой: с живой атмосферой, корою
Внутри делился на клетки, там шар рос к демографической
Смерти во взрыве, но к капсулам самозащитным покинуть
Матерь разумную жаждалось детям мечты при сраженьях

Клеток, дарующим разную форму в ночь мёртвым планетам,
Между Юпитером да Марсом крошечным, гибла от жизни
Цели Вселенной — подобная сила, чья цельность — от Бога,
Ныне людьми Фаэтона, по мифу, несущая имя.

Что жило в ней, даже предположить невозможно сознанием,
Бурные плазмы цветов, уж не сравнимо с земными, бурлили,
Холод в тепло превратили над общим движеньем разумным.
Каждая клетка мозг свой представляла, как индивидуум

Мудрый, создавший свои сверхидеи, пусть сразу их знает
В миг безначальный растущее мыслей творенье, плоть солнца,
А клетки зрели, что видят все части у круга и помнят
Без зла с добром, но не противоречий лишь толка земного.

Что билось в центре могучего мозга да как пострадало
В безднах энергии, Богом рождённое где-то из точек вселенной,
То передалось Сатурну и стало хоть жалким подобьем.
На Марсе, только поднялось, быстро исчезло бездарно.

Лет на Земле миллиарда четыре в воде, путь на сушу
Под атмосферой, всегда разрежённой пред тонкой злой твердью,
Вжилось в природу, дать лишь бы хоть кем-то объединяться,
Пускай даже и в ничтожнейшей твари, влекущей к развитию.

Люди Земле — промежуток короткой их вспышкой, ведущей
Лишь к новым формам разумных существ, после влиться в цепочку
Цивилизаций галактики, долго растить макроразум,
Что воплощён в микромире из-за Фаэтона до взрыва.

8

Cinque miliardi di anni fa per il sistema solare
Non fu la Terra il primo pianeta che fa generare,
Come la madre, le cellule. La non organica mente
Di quel gigante gli crea la vita del cosmo sapiente

Nell'atmosfera che era il vivo pensiero potente
Fino al nucleo. Si animava l'interna corrente,
Da cui le capsule con i messaggi vorranno viaggiare
Verso gli altri che nascono le nuove forme già care

Per regalare le menti diverse ai consci di notte.
E giallo Giove con Marte diventano le sfere non vuote.
Fu, allo scopo di tutti i corpi di Dio, l'uguale
Forza che oggi chiamiamo Fetonte del ruolo astrale

Nelle immagini. Non si riflette che era reale.
E si compara nessun sulla Terra con lui, è l'ideale
Nel ragionevole plasma di molti colori, si pote
Individuar ogni cellula per le idee devote.

Esso trasforma il freddo nel caldo che guardino tutto
Le macro cellule con l'Opinione di ogni vissuto.
Erano inseparabili dai loro sopra pensieri
E se fra essi ognuna L'appropriata senza frontiere.

O all'interno di tutte le parti del vivo potere
Fanno qualcosa e dopo ricordano per rimanere
Fuori dell'appartenuto — a ogni neutrale tessuto,
Cieco conflitto del «bene» e del distrutto «male» caduto

Che si bolliva, soffrendo nel centro del santo cervello,
Tra gli abissi è nato dal cosmo divino più bello
Quel, che fornì a Saturno, Fetonte. E fa la parvenza
Misera anche a Giove e — Marte, che in precedenza

Per noi scomparve, — l'uccisa non riesce a vivere senza
Caro Fetonte esploso da Dio per la provvidenza.
Quattro miliardi di anni fa dall'inferiore livello
La vita scese all'acqua di Terra con lo scuro cielo

Sotto le onde. Sul suolo e nell'atmosfera adesso
Essa aspira al massimo e condurrà il progresso
A tutti gli animali, al sogno e al tempo stesso.
Umanità, sei — il lasso brevissimo come la vampa.
Immaginava Fetonte vicino all'ultima rampa
Dei ragionevoli esseri tramite le congetture
Che colmeranno da sé molte vive galassie più dure
Verso il macro cervello con molte nozioni future.

9

Всякого рода истоки любого творения
В сферах других повторяются, но изменённо чуть
Все без границ! От знакомых и до неопознанных,
О, путь назад беспрестанных возвратов от гибели.

Дан миг один у Вселенной. Вокруг испытания,
Божьего помысла: жертвой Творца... иль над минусом
Вечно победа Господня; витки ипостасями;
Быль ошибающихся превращают в фантомную

Корни судьбы сотворённо различными знаками.
То всё — вселенным у плюса и минуса в образах:
Бездны нейтронов Нейтрона-Вселенной, кружащейся,
Словно в матрёшке, где дьявол и Бог — пульс материи.

Прошлого нет, как и будущего абсолютного,
Мёртвое всё, как живое, так и нерождённое,
Непостижимо Бог изменяет всё и прошедшее,
Не нарушая иллюзий из атомов цельности.

В смене «грядущего» — прошлое, как настоящее
Бог всякий раз полирует обратную сторону,
Как каждый вздох у людей при повторе иной чуть-чуть,
Так и разнится одна и та же жизнь в одном времени,

Вместо одних на Земле, предрешив обстоятельства,
Души иные рождаются к новым понятиям,
В разнообразных бескрайних реальных материях,
Будущее для Всевышнего — это и прошлое,

То, что ведёт, подтвердит, начиная от атомов,
До галактических метаскоплений бесчисленных,
Будущее у людей многократно различнее,
Как ведь и в прошлом их предков меняют разумнее

Дети Земли с Фаэтонтом, ещё не взорвавшимся,
К цели иной тот, собой никогда не покончивший,
От повторения, скрытого от всех сферически,
Я возвращаюсь к предписанному, где люд в этот раз.

9

Dio mandò le sorgenti // arti dei generi,
Crea le sfere potenti // che si ripetono.
Notte, lì dai sapienti // sei sconosciuta in-
Dietro — alzar i morenti // al miglior spazio e

Regna intorno la prova // sempre che subito
Per l'alta vita rinnova, // salva la vittima!
Che il Neutrone si muova!, // se le ipostasi
L'aprono dopo di nuovo // dove sbagliavano.

Le sorti delle radici // con due segni son,
Oh Più, dal meno tu stringi. // L'era ha l'ansia per
Il fin dei due nemici, // batte; e crescono
Le entità-edifici // alle materie giù.

E lì non c'è né passato // e né futuro, se
C'è nessun vivo né nato // ma né mortale con
Dio, così è cambiato // incomprensibile.
Il Più difende lo stato // dei frutti-atomi.

Mistica sostituzione, // tu dai futuri vai,
Nutri in noi l'illusione // poni i limiti,
La realtà dà l'unione // dei tempi — tramite
La densità-condizione // che non sussisterà.

Già i Neutroni perfetti // son i Protoni e
Il Più gli amplia le strette // forme che pensano
Qui, che passò, si ripete // fuori dei prossimi
Senza passato e rete, // forbici-regole.

Per la distinta uscita // alla divinità
Fu lo scomparso smarrito, // è il futuro per-
Ché differenza la vita, // è dall'eternità.
In luogo della prescritta // gli altri vengono.

E del passato non sanno. // Tutti si girano,
In cui gli altri, che stanno — // nei loro esseri
Più ragionevoli, fanno // i nuovi esiti.
Se il futuro umano // è la variabile

Karma dei figli terreni // quell'ammirabile
Fa i concetti dei beni, // l'inevitabile
Saggio Fetonte. I freni // tratterrà l'abile...
I paradisi sui cenni // in quattro ambiti
Erano lì con l'amore... // E da quei campi — ti
Inviterà, oh lettore! // a quel non stabile
Nostro Neutrone, vigore // paragonabile
Per l'abituale errore // del perdonabile.

Стихотворение на русском и испанском

Я написал антипод греческой песни «Табакерка» (H Ταρτακιέρα) в исполнении Вики Масхолу́, Христины Максуре и других. Я очень хочу, чтобы испаноязычные и русскоязычные певцы исполнили эту же самую мелодию с моим стихотворением:

Дух Антитабакерки

I

Твой лик у страха, пусть в тебе лучам граница
За месяц не поставит праздник?, расскажи
О шаге радости, с теплом его ждут лица,
Испуг за детство серое, где ты вне лжи,
Но низменным хватчикам земли не взвиться,
Любите родину, меня нет в ней средь межи.

II

Твой путь восходит к власти, не тому смиренья,
Кто видит всё, за что и канул смысла дар,
Себя так я искал на редкости сличенья,
Её согнула мечта, у сердца буйств разгар,
Я коль нашёл тебя природой, в мои сравненья
Ты сядь цикадой под балконом с песней чар.

III

Плыл первым голос мафий, в главные стремится,
На твой он нрав; банда стрельнет в корабль и,
Шли к тебе женщины, как и жаждала львица,
Не увядали, ей коснуться птиц, голос мни:
Хочет мира месяц, войны роди, зарница,
Я знал её в темнице, там одиноки дни.

Poema en ruso y en español

Escribí mi interpretación opuesta a la razón de la canción griega “Tabaquera” de Viki Masjolú, Jristina Maxuri y de algunos otros. Quisiera que los cantantes hispanohablantes y rusos cantaran la misma melodía con mi poema:

Un espíritu de la Antitabaquera

I

Temió tu cara, es en ti la luz frontera,
Ya fue un mes ¿y qué pondrá la fiesta? dí
Del feliz paso que el gran calor espera,
Temió a mi niñez muy gris, que es fuera de ti,
Hay, por los bajos que ocupan vuestra tierra,
Amor a tu país que mucho tiempo no vi.

II

Tu carretera sube al poder, no paro
A quien lo ve, porqué bajó por mi razón,
Y me busqué en mi experimento raro,
Y lo rasgaste, sueño de tu corazón,
Te encontré por la natura, te comparo
Con la cigarra, canta bajo mi balcón.

III

La voz de mafia ya nadó, es la primera
Que te gustó; su banda tira las naves, y
Éstas mujeres van a ti, como quisiera,
Ya no morían al tocarte, voz ave, sí,
Quiso un mes de una paz, nació la guerra,
La conocí, hay cárcel y soledad así.

Содержание – Indice

Строфы на русском и французском языках – Strophes en russe et en français:

1 Новая песня «Мурка-Стена-Случай»	3
Nouvelle chanson «Mur cas»	4
2 Павленский	5
Pavlenski	6
3 ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАШЕЙ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ	7
ORIGINE DE TOUT NOTRE COSME	8
4 На закате эпохи	11
Au coucher du soleil de l'époque	12
5 Вместо Бога	13
Quoi au lieu de l'Ordre Dieu naturel?	14
6 (11 - 12) О сгинувших атлантах	23
(11 - 12) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre	24
7 (22 - 23) О сгинувших атлантах	25
(22 - 23) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre	26
8 (24 - 25) О сгинувших атлантах	31
(24 - 25) Des Atlantes qui ont rapide quitté leur terre	32
9 (29 - 30) - О сгинувших атлантах:	
При сотворении	35
(29 - 30) Des atlantes qui ont rapide quitté leur terre:	
De la création de l'Univers	34
10 Три круга перевоплощений сквозь измерения	39
Trois cercles des réincarnations et leurs trois dimensions	40
11 Раскрученностей бездарей поэтика	41
Poétique des promotions d'infirmité	42
12 Чтоб выжить, сотни тысяч лет впотьмáх брёл троглодит	43
Donc, d'un million d'années, a survécu le troglodyte	44
13 Как иголка, колка без толка, не ермолка, холка волка	45
Sur l'aiguille, une famille dure brille et le loup se grille pour ses propres filles	46
14 Господину Капитану Сергею Александровичу Шумилову	49
Pour M. le Capitaine Sergueï Alexandrovitch Choumilov	50
15 «Stabat mater dolorosa» (на русском)	51
«Stabat mater dolorosa» (en français)	52
16 Рабство	57
Esclavage	58
17 КАРА	59
PUNITION	58
18 Бог в двадцать пять веков раз // сам колесо Драхмы крутит	63
Chaque vingt cinq siècles, Dieu crée, // tourne la Drachme en route	64
19 Когда атмосферы ревущее пламя кометы	65
La flamme orageuse des comètes brûlera l'atmosphère	66
20 В двадцать первый век возвратился снова	67
Nostredame décrit // l'aujourd'hui sévère	68
21 В детстве хлебное поле ребёнку как лес	70
La forêt infinie voit le champ de froment	71
22 Три тысяча год семьсот девяносто седьмой	73

Mais trois mille ans passeront et sept cent quatre-vingt-dix sept	74
23 Забрал при солнечном пожаре	73
Vers l'incendie dernier	76
24 В первых токах атмосферы жизнь ума воссоздана	77
L'âme de vie prolonge l'être, fait changer l'air d'atmosphère	78
25 Бог – это ВСЕ измеренья, // ВСЕ знаки материи	79
Dieu crée toutes nos dimensions, par leurs seins des matières cosmiques	80
26 За рать карать	83
Pénal du mal	84
27 Украм Томас?	87
À l'Ukraine notre Patriarchie?	88

Строфы на русском и итальянском языках – Strofe in russo e in italiano :

28 Средь забвений река	93
O Fiume grigio fra le dimenticanze	94
29 Москва – третий Рим	95
È la terza Roma	96
30 В древность предвидевший беды то пишет, но вóвсе не я	97
Non io! predissi i guai dai futuri eventi nascosti nell'eternità	98
31 Северину Боэцию, творцу и учёному, казни 524 года	99
Sonetto a Manlio Severio Boezio, al creatore e scienziato	100

С АВРОПЫ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА SILLABA DALLA MATTINA DEL XXI SECOLO

32 Под симфоническую музыку под небом полным звёзд – 1	101
Sotto la musica classica, sotto il cielo di costellazioni – 1	102

О ЦЕНТРОБЕЖНОМ МИРОЗДАНИИ - DELLA CREAZIONE UNIVERSALE

33 Высших форм воплотил Бог иных сил знаки – 2	103
Fuori meno e Più fece Dio i segni – 2	104
34 Зон двух риск войн противоположных сил – 3	105
Son due zone che fan i segni contraddetti – 3	106
35 Бог нутру звёзд В термоядерных рожденьях разум дал – 4	105
Dio invia alle stelle la mente termonucleare tra le nascite interne – 4	108
36 Ибо с одиннадцати измерений в пяти сочетались – 6	109
Cinque comparvero — da undici dimensioni globali – 6	110
37 Абсолют-Господь, ты творишь материй – 7	111
Forma Dio i mondi materiali – 7	112
38 Не Земля, первой планетой, живые созданыя рождавшей – 8	113
Cinque miliardi di anni fa per il sistema solare – 8	112
39 Всякого рода истоки любого творения – 9	115
Dio mandò le sorgenti arti dei generi – 9	116

Стихотворение на русском и испанском языках – Poema en russo y en español:

40 Дух Антитабакерки	117
Un espíritu de la Antitabaquera	118

Издательство:

Edition:

Edizione:

